

К. В. МАЛАХОВСКИЙ

ТРИЖДЫ
ВОКРУГ
СВЕТА

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА ·

М 18 Малаховский К. В. Трижды вокруг света. М., 1982.
96 с. (Страны и народы).

Книга посвящена одному из крупнейших английских мореплавателей XVII—XVIII вв., Уильяму Дампиру. В ней рассказывается не только о жизни человека, занимающего выдающееся место во всемирной истории мореплавания, но и воссоздается историческая эпоха формирования колониальных империй крупнейших капиталистических государств. Автор показывает, как деятельность таких людей, как Дампир, способствовала созданию Британской империи, ее колониальной политики.

5.4.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
А. М. ХАЗАНОВ

Е.О.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Серия «Страны и народы»

К. В. МАЛАХОВСКИЙ

ТРИЖДЫ
ВОКРУГ
СВЕТА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1982

Глава 1

С БУКАНЬЕРАМИ В ПАНАМУ

Летом 1680 г. отряд англичан пробирался сквозь джунгли Панамского перешейка. Некоторые из путников были одеты в выцветшие красные камзолы кромвелевской «новой армии», с треуголками на головах. Все были обвешаны патронташами и несли на плечах длинные мушкетеры. Среди них находился молодой человек Уильям Дампир. Это был типичный представитель своего века. Не только жажда наживы, но и неистребимая любознательность толкали его в далекие страны, о которых европейцы мало что знали.

Тогда Дампир был еще никому не известен, но через 17 лет Европа уже хорошо знала о нем. Благосклонные к нему люди называли его «знаменитый капитан Дампир», а недоброжелатели — «страшный капитан Дампир». Одно его имя наводило страх на испанские власти в Южной Америке, подобно имени Дрейка столетием раньше. Он сделался столь же известным морским разбойником, что и Д. Коксон, Р. Соукинс, Б. Шарп, Э. Дэвис и др.

Но в отличие от них Дампир был и известным автором. Его первая книга «Новое путешествие вокруг света» стала бестселлером XVIII в. Она многократно переиздавалась не только на английском, но и на других европейских языках. Факсимильное издание книги осуществляется и в наше время.

После выхода книги в свет Дампир был избран в Британское королевское общество, свел знакомство с выдающимися учеными своего времени и государственными деятелями.

За первой книгой последовали еще две — «Путешествия и описания» и «Путешествие в Новую Голландию». В наши дни ученые, особенно метеорологи, ботаники, зоологи, историки и этнографы, находят для себя много интересного в работах Дампира.

В капитальном труде адмирала Д. Барни «Хронологическая история открытий в Южных морях», вышедшем

в Лондоне в начале XIX в., давалась следующая оценка исследовательской деятельности Дампира: «Трудно назвать имя какого-либо другого исследователя или путешественника, который дал бы такое полезное описание мира, кому купец или моряк были бы столь же многим обязаны или кто передал бы свои сведения более простым и понятным языком. И это он сделал с замечательной скромностью, одинаково свободной от жеманства и от каких-либо выдумок»¹.

На портрете, висящем в Национальной галерее в Лондоне, Дампир изображен держащим в руке роскошно изданный том своей книги «Новое путешествие вокруг света». С портрета смотрит на зрителя худощавый человек с острым, пронизательным взглядом. Под портретом подпись: «Уильям Дампир — пират и гидрограф». Если первое правильно, то второе нуждается в уточнении. Его исследования относились не только к гидрографии, но и к естественным наукам. Дампир был также выдающимся мореплавателем, сделавшим важные открытия, навсегда увековечившие его имя на географических картах.

Парадоксально, но личная жизнь этого знаменитого человека осталась во многом неизвестной. Не сохранилось даже таких сведений, как даты его рождения и смерти.

Человек, всю свою сознательную жизнь проведший в море, родился в глухой деревушке Ист-Кокер, в Сомерсетшире. Точная дата его рождения, как уже говорилось, неизвестна, крещен же он был 5 сентября 1651 г.

Его отец, Джордж Дампир, был мелким арендатором. Он умер, когда Уильяму было семь лет. Еще через семь лет Уильям потерял мать. У Дампиров было четверо сыновей, но о братьях Уильяма, кроме старшего — Джорджа, ничего не известно, вероятно, они умерли в раннем возрасте.

Местный землевладелец, полковник У. Хеллар, взял на себя заботу об образовании Уильяма, послав его в школу соседнего городка. Но Уильям быстро закончил свое школьное образование. По его словам, он немного научился латыни, письму и арифметике и скоро оказался на борту корабля, «удовлетворяя свою рано возникшую страсть видеть мир». Очевидно, Уильям обладал незаурядными способностями, ибо за недолгий срок своего ученичества овладел латинским языком (впоследствии во время своих путешествий он бегло объяснялся по-латыни с католическими священниками, встречавшимися ему в

заморских землях), хорошо изучил математику и ботанику. К последней Уильям проявлял с детства особенно большой интерес. Еще живя в родной деревушке, он внимательно наблюдал, как работали местные крестьяне-арендаторы. «Я был знаком с ними со всеми, — писал Дампир впоследствии, — знал, что каждый из них производит, а именно: пшеницу, ячмень, фасоль, горох, овес, лен, коноплю; обо всем этом я знал больше, чем обычно знают в столь юном возрасте, получая особое наслаждение от наблюдения за растениями»².

Свое первое плавание Дампир совершил во Францию, а затем занимался рыболовным промыслом в водах Ньюфаундленда. Но ему не понравился холодный климат Северной Атлантики, где, как он говорил, его «щипал мороз», и в дальнейшем Дампир плавал преимущественно в районе тропиков. Затем Дампир плавал на Яву и возвратился оттуда в 1672 г., за несколько месяцев до начала третьей войны с Голландией.

Когда война кончилась, Дампир записался в команду военного корабля «Ройял Принс». Это было флагманское судно адмирала Эдварда Спрейджа, одно из лучших в британском военно-морском флоте, а сам адмирал был весьма популярным флотоводцем того времени.

Но Дампиру не пришлось участвовать в боях. Он тяжело заболел и наблюдал за морскими сражениями с борта госпитального судна. Затем Дампир был переведен в морской госпиталь. Из госпиталя он, «продолжая чахнуть», поехал в родное селение к старшему брату.

Очевидно, в то время Дампир, несмотря на желание видеть мир, сильно разочаровался в морской службе, познав ее тяготы. Действительно, морская служба и в наши дни дело нелегкое, три же столетия назад она была поистине каторжной.

Современник Дампира, бывалый моряк, ветеран двух войн с Голландией Эдвард Берлоу следующим образом описывал в своем дневнике тогдашнюю жизнь моряка: «Я постоянно думаю, что у нищих жизнь гораздо лучше моей, поскольку они реже остаются с пустыми желудками, чем мы; и по ночам лежат в покое и безопасности в крепком сарае, полном соломы, никто не беспокоит их, они могут спать, сколько им хочется; это прямо противоположно нашему положению, ибо мы не чаще раза в месяц бываем действительно сыты... и ночью, когда отдыхаем, не можем спать больше четырех часов, а часто,

когда сильно штормит, нельзя рассчитывать и на час отдыха; нас нередко будят, не дав поспать и полчаса, заставляют взбираться на мачты полусонными, в одном башмаке, потому что другой некогда было надеть; мы всегда спим в одежде, чтобы быть наготове; в штормовую погоду, когда корабль вздымается и падает, подобно огромному жернову, перекатывавшемуся с холма на холм, мы должны, привязавшись канатом, чтобы не упасть за борт, взбираться на мачты и быстро поднимать паруса, не видя ничего, кроме неба над собой и волн внизу, так страшно бушующих, что любая из них, кажется, может стать могилой для нас»³.

Поэтому, когда У. Хеляр, получивший после недавно умершего брата сахарную плантацию на Ямайке, предложил Дампиру поехать туда в качестве его агента, тот охотно согласился.

В июне 1674 г. корабль, на котором находился Дампир, достиг Ямайки. Приступив к работе, Дампир вскоре понял, что должность агента владельца плантации, в сущности, ничего не значит и не дает ему независимого положения среди других служащих. Всеми делами единолично распоряжался управляющий Уильям Уейли, человек деспотичного нрава. Уейли отказался признать какие-либо права за «тщеславным молодым человеком», как он называл Дампира. Последний в свою очередь не стал подчиняться управляющему. Такое ненормальное положение тянулось девять месяцев и кончилось изгнанием Дампира с плантации. Объясняя свои действия, Уейли не без оснований писал Хеляру, что Дампир по своему характеру «человек слоняющийся, не склонный долго задерживаться на одном месте... К тому же, я думаю, он понимает в морской службе и до сих пор мечтает о ней»⁴.

Уйдя от Уейли, Дампир поступил на торговое судно, совершавшее плавание вдоль побережья Ямайки, перевозя грузы с плантаций в Порт-Ройал. За полгода службы на этом корабле Дампир хорошо познакомился с побережьем острова, особенностями мореходства в этом районе.

В апреле 1675 г. Дампир отправился в Гондурас, где решил заняться заготовкой древесины на экспорт. Он поселился в районе Уан-Буш-Кей у лагуны Терминос, недалеко от острова Трист. Залив Кампичи находился между северным берегом Юкатанского полуострова и мексиканским побережьем в районе Веракрус. Побережье залива, называвшееся Москито-Кост, представляло собой

пустынную заболоченную местность, покрытую кустарником. Единственными жителями были мароны. Так в Вест-Индии называли рабов, бежавших с испанских плантаций. Появлялись здесь и европейцы, которые должны были по разным причинам скрываться от колониальных властей.

Прибытие корабля с Ямайки с грузом вина и сахара было большим событием для местных жителей. Позднее Дампир писал: «Я два или три раза заходил в их жилища, где меня и тех, кто был со мной, сердечно встречали, угощали свининой с горохом или говядиной». Дампир решил, что эти неприхотливые, рассудительные люди будут хорошими работниками в задуманном им предприятии. Он возвратился в Порт-Ройал, купил топоры, пилы, тент и ружье, а затем отправился назад и энергично принялся за дело. Непоседливый от природы, Дампир постоянно сопровождал партии лесорубов в их экспедициях. При этом он внимательно приглядывался ко всему новому, что встречалось ему в пути, записывая свои наблюдения в дневник, который вел постоянно.

Через много лет Дампир использовал эти записи в приложениях к книге о своем кругосветном плавании. В них он рассказывал читателям о встречавшихся ему удивительных животных и птицах, о которых англичане никогда не слышали: ленивцах, аллигаторах, гиппопотамах, колибри и др. Вот, например, как описывал Дампир неизвестный ему вид обезьян: «Обезьяны здешних мест самые безобразные из мною виденных. Они намного крупнее зайца, хвост у них длинный — два с половиной фута... Эти создания держатся вместе группами по 20—30 особей и носятся по всему лесу, перескакивая с дерева на дерево. Если им встречается одинокий путник, они нападают на него. Когда я бывал один, то боялся стрелять в них, особенно в первое время. Они большими группами перескакивали с дерева на дерево прямо над моей головой, поднимая страшный шум, уморительно гримасничая и жестикулируя. Некоторые из них ломали сухие ветки и бросали в меня. Наконец, одна из самых крупных обезьян забралась на сук почти над моей головой и прыгнула прямо на меня, заставив отскочить в сторону. Но обезьяна зацепилась за сук кончиком своего хвоста и продолжала раскачиваться взад и вперед, скаля зубы. Я поспешил прочь от них, а обезьяны преследовали меня, пока я не добрался до нашего жилища»⁵.

В дневниковых записях Дампира мы находим рассказ о событии, разрушившем все его надежды заработать достаточно денег на приличную жизнь на родине: тайфун в июне 1676 г. уничтожил все, чем Дампир владел в Уан-Буш-Кей. Тайфун уничтожил все постройки, и даже суда, стоявшие на якорях, были сорваны и выброшены далеко на берег.

Проведя три года в заливе Кампичи, Дампир в 1678 г. вернулся в Англию, купил участок земли и женился на девушке по имени Юдифь (фамилии ее история не сохранила). Он расстался с женой через несколько месяцев и, по-видимому, больше ее никогда не видел. Детей у них не было.

Вернувшись на Ямайку в 1679 г., Дампир познакомился с неким Хобби, который посоветовал ему продать землю в Англии и начать совместные торговые операции в Москисто-Кост. Они отправились туда на судне «Лойял Мерчант». Но, зайдя по пути в один из портов на западном побережье Ямайки, обнаружили там скопление пиратских судов.

В те времена остров Ямайка был одним из главных пиратских гнезд. Поскольку в дальнейшем жизнь Дампира на долгие годы будет связана с людьми этой «профессии», то необходимо хотя бы кратко охарактеризовать само понятие пиратства, его разновидности.

Пиратством называется морской разбой, совершаемый, как правило, частными лицами. «Классические» пираты, которые ассоциируются у нас с героями «Острова сокровищ» Р.-Л. Стивенсона, нападали на все попадавшиеся им корабли, включая суда, принадлежавшие их соотечественникам. Этот вид пиратства расцвел на закате жизни Дампира. А в дни его молодости и зрелости было распространено пиратство, находившееся под покровительством правительств и направленное против судов вражеских стран. По-итальянски этот вид пиратства называется корсарством, по-голландски — каперством, по-английски — приватирством. Был еще один вид пиратства, весьма распространенный в XVII в., особенно в Вест-Индии, — буканьерство. Буканьеры, так же как и приватиры, каперы и корсары, старались иметь какой-то документ, удостоверяющий «законность» их «деятельности». Но документы (каперские свидетельства), которыми они вооружались для оправдания своего грабительского промысла, были по большей части весьма сомнительного свойства, получен-

ными за взятку у местной колониальной администрации (английской, французской или голландской), зачастую просроченными или вообще не имевшими никаких дат.

Буканьеры действовали в Карибском море и вдоль берегов Южной Америки. Само название буканьерство происходит от испанского слова «буканьес». Так называлось поджаренное особым способом мясо в западной части Эспаньолы (Гаити). Приготовляли его селившиеся там охотники. Ими были бежавшие с плантаций служащие-европейцы. Вначале, это были французы, затем голландцы и, наконец, англичане (после того, как Англия приобрела владения в районе Карибского моря).

Это вольные охотники Эспаньолы скоро сообразили, что они гораздо скорее обогатятся, если будут нападать на испанские суда, следующие из Центральной Америки на Кубу.

Остров Тортуга, на северо-западе от Эспаньолы, и район у мыса Тибурон сделались главными базами буканьеров. Командовали отрядами буканьеров избранные ими предводители, отличавшиеся храбростью и мореходным искусством. По большей части это были люди крутого нрава, жестокие и алчные. Вначале жили они под вымышленными именами, но во времена Дампира их настоящие имена получили широкую известность. Существовал и своеобразный «дисциплинарный кодекс» у этой карибской вольницы, твердые правила дележа добычи — в строгой зависимости от внесенного каждым «вклада». Существовала и своего рода страховка за увечья, полученные в бою. На современные деньги это выглядит примерно так: 1200 ф. ст. за потерю правой руки, 1000 — левой, 200 — глаза.

Буканьеры считали себя наследниками тех, кто столетие назад начал борьбу против испанского господства на морях, объявив, что «нет мира за линией». Имелась в виду линия раздела мира между Испанией и Португалией. В конце XV в. усилилось соперничество Португалии и Испании в овладении заморскими странами. Поскольку ни одна из сторон не имела подавляющего превосходства, а другие европейские государства в то время не были в состоянии конкурировать на море с пиренейскими монархиями, Португалия и Испания решили поделить между собой все открытые и еще не открытые заморские земли.

Раздел мира был произведен буллой папы Александра VI, обнародованной 4 мая 1493 г. Линия раздела проходила на расстоянии 100 итальянских лиг к западу от

островов Зеленого Мыса. Все нехристианские страны, расположенные к западу от этой линии, объявлялись владениями Испании, а к востоку — владениями Португалии.

Но это решение папы не удовлетворило испанского короля Хуана II. После длительных и сложных переговоров в Тордесильясе 7 июня 1494 г. был подписан испано-португальский договор, которым линия раздела отодвигалась на 370 лиг к западу от островов Зеленого Мыса и проходила по $47^{\circ}32'56''$ з.д. Интересно отметить, что испанцы, требовавшие переноса этой линии дальше на запад, значительно проиграли. Договаривавшиеся стороны, естественно, понятия не имели о конфигурации Американского материка, более того, они полагали, что речь идет о восточной оконечности Азии. Когда же в 1500 г. португальский мореплаватель Педру Алвариш Кабрал открыл Бразилию, назвав ее островом Вера-Круш, то это дало основание Португалии «законно» объявить ее своим владением.

Тордесильясский договор формально просуществовал около трех столетий и был официально отменен в 1777 г. Но уже с самого начала европейские державы не признавали его. Другое дело, что они вынуждены были считаться с преобладающей морской силой пиренейских держав и до поры до времени воздерживались от вооруженной борьбы, хотя и продолжали организовывать собственные заморские экспедиции.

Испания по-прежнему, как и в дни правления Елизаветы Английской, считала Атлантический и Тихий океаны «испанскими озерами». Как и столетие назад, Англия и другие европейские державы отказывались признавать претензии Испании. Поэтому буканьерство процветало.

Во время войны с Испанией в 1655 г. Англия захватила Ямайку. В рядах британской экспедиционной армии, захватившей Ямайку, находился некий Генри Морган, оставшийся на жительство в столице колонии Порт-Ройале. Вскоре он стал предводителем первого английского отряда буканьеров в Карибском море. История походов Моргана и «подвиги» его сподвижников были описаны одним из участников походов Моргана, Джоном Эскемеддингом, в книге «Буканьеры Америки», опубликованной в 1684 г. Книга имела громадный успех, была переведена на многие европейские языки, неоднократно переиздавалась. Лишь в 1724 г. вышла книга о буканьерах, получившая еще большую популярность. Она была написана не-

ким капитаном Джонсоном и называлась «Общая история разбоя и убийств, совершенных наиболее известными пиратами».

Главное действующее лицо обеих книг — Генри Морган — был человеком действительно незаурядным. Он был не только предводителем шайки буканьеров, но и «полковником и адмиралом», руководившим армией, захватившей Портобелью на атлантическом побережье Панамы и Мараканбо в Венесуэле. В 1671 г. Морган во главе отряда из 1846 человек пересек Панамский перешеек, выйдя на тихоокеанское побережье и создав прецедент для следующей экспедиции буканьеров через восемь лет, в которой участвовал Дампир. Отрядами буканьеров, принимавшими участие в этой экспедиции, командовали его ближайшие сподвижники: Роберт Соукинс, Джон Коксон и Бартоломей Шарп.

Поход отряда Моргана в Панаму произошел в период сближения Англии с Испанией. Английское правительство должно было как-то реагировать на действия своих подданных в испанских заморских владениях. Морган был посажен в Тауэр. Но вскоре англо-испанские отношения опять обострились. Морган был прощен, возведен в дворянство и отправлен на Ямайку в качестве заместителя губернатора колонии. Помимо всего прочего, английское правительство, давая Моргану высокий пост в колониальной администрации, по-видимому, руководствовалось старым принципом «заставить вора ловить воров». Действительно, Морган жестоко преследовал своих бывших «товарищей по оружию», которых он теперь называл не иначе как «хищным сбродом». Сам же Морган открыто пользовался плодами своей прошлой «деятельности». Его состояние составляло на нынешние деньги почти 1 млн ф. ст. Жил он в богатом имении. Морган сделался настолько респектабельным, что писал в одном из писем: «Я испытываю отвращение к кровопролитию, и меня очень огорчает, что за короткий период управления колонией я так часто был вынужден приговаривать преступников к смерти». Но респектабельность не мешала ему пьянствовать. Ко времени появления Дампира на Ямайке Морган, тогда уже генерал-губернатор колонии, окончательно спился. В 1688 г. его врач описывал «великого буканьера» «тощим, болезненного вида человеком, с мутными желтоватыми глазами и вздутым животом». В том же году Морган умер. В одном из своих последних писем в Лондон он предуп-

реждал правительство, что «вырвать с корнем буканьерство будет не легче, чем ликвидировать грабителей на королевских дорогах Англии».

Встреченные Дампиром на Ямайке буканьеры (их было 477 человек) возглавлялись, как указывалось выше, наиболее известными сподвижниками Моргана: Соукинсом, Коксоном и Шарпом. В их распоряжении было девять судов. Команда «Лойял Мерчант» примкнула к буканьерам. «И тогда, — как писал впоследствии Дампир, — я решил, что будет проще примкнуть к ним». Дампир думал, что плавание с буканьерами будет коротким эпизодом. Но оно оказалось путешествием вокруг света, растянувшимся более чем на 12 лет.

Первой целью буканьеров было разграбление Портобельо. Начали они успешно. Было захвачено 500 ящиков с индиго, грузы с какао, кошенилью, черепаховыми панцирями, серебром. Буканьеры продолжали грабеж, не встречая сопротивления. Но сколько-нибудь значительных богатств они не захватили. При дележе каждый получил добычу стоимостью лишь в 10 ф. ст. Тогда буканьеры решили повторить поход Моргана 1671 г.: пересечь Панамский перешеек и разграбить Панаму.

5 апреля 1680 г. отряд буканьеров, сократившийся до 331 человека, на семи судах подошел к перешейку. Буканьеры устремились в глубь перешейка, намереваясь захватить город Санта-Мария. Этот город имел важное значение. Здесь останавливались караваны мулов, везшие драгоценные металлы из Панамы, куда они морским путем доставлялись из Перу. Драгоценности перегружались там на свежих мулов, которые перевозили их через горы на восточное побережье перешейка. Там драгоценности грузились на галионы, идущие в Испанию. Город Санта-Мария охраняли 400 солдат.

Буканьеры и здесь остались верными себе и раздобыли «документ», удостоверявший «законность» их действий. В данном случае это была бумага, выданная им «богатым монархом Вест-Индии императором Дарина»*. Этим императором был предводитель местных маронов, беглый раб почтенного возраста, с огромным золотым диском, подвешенным к носу. У него был сын, которого называли Золотая Шапка за то, что он носил медный шлем, захваченный у испанцев. Золотая Шапка со своими

* Поселение на атлантическом побережье Панамского перешейка.

людьми примкнул к буканьерам, и они оказывали англичанам большую помощь в качестве проводников.

Буканьеры шли, разбившись на группы. Авангард вел Бартоломей Шарп. Предводителем всего отряда был избран Джон Коксон. «Собираясь в поход, каждый из нас взял французское ружье и около 20 фунтов пороха; что касается провизии, то у нас была порченая мука, из которой мы пекли лепешки». Так писал в своем дневнике один из участников этого похода, моряк из Новой Англии Джон Кокс. Любопытно отметить, что дневники вели еще пятеро участников похода, в том числе и Шарп. Часть этих дневников была опубликована еще при жизни их авторов, другие дошли до нас в рукописном виде. В числе опубликованных были записки двух приятелей Дампира: Базиля Рингроуза и Лионеля Уофера, врача по образованию.

Буканьеры без труда захватили Санта-Марию, так как, узнав об их появлении, испанский гарнизон ушел оттуда и увез сокровища. Буканьеры не наткнулись на испанские гарнизоны на всем своем пути к тихоокеанскому побережью, так умело их вели погнавшие им мароны.

Англичане вышли к Тихому океану в районе Панамского залива. Там группа Шарпа захватила испанский барк. Коксон с отрядом из 68 человек на каноэ, предоставленных им маронами, пройдя 50 миль вдоль берега залива, встретил испанские суда, охранявшие подходы к побережью у строившегося города, который должен был заменить старую Панаму, разрушенную Морганом.

Буканьеры атаковали самый большой корабль — 400-тонный «Сантиссима Тринидада» — и захватили его после кровопролитной схватки, в которой 18 буканьеров и 61 испанец были убиты. Буканьеры назвали захваченный корабль «Тринити» и пошли на нем на соединение с группой Шарпа. Но среди буканьеров поползли слухи, что Коксон проявил трусость в битве с испанцами. Опасаясь расправы, Коксон с несколькими десятками верных ему людей покинул корабль и пошел обратно, унеся с собой отрядный ящик с медикаментами. После ухода Коксона предводителем отряда был избран Соукинс. Ему удалось захватить испанский корабль, на борту которого было более 100 тыс. ф. ст., 2 тыс. кувшинов вина и 50 бочонков пороха. Буканьеры теперь почувствовали себя достаточно сильными, чтобы потребовать выкупа у вла-

стей Панама. Но испанский губернатор отказался вступать в переговоры до тех пор, пока Соукинс не покажет официального документа, удостоверявшего его приватирство. Соукинс ответил письмом следующего содержания: «Наша компания еще не вся собралась, а когда соберется, мы навестим губернатора в Панаме и принесем удостоверения на дулах наших ружей, и он их прочтет при вспышках выстрелов».

Однако дерзкое письмо не произвело впечатления на губернатора. После нескольких небольших стычек с испанцами, в ходе которых обе стороны захватили пленных, губернатору было направлено второе письмо с требованием выкупа. Оно также было отвергнуто. Более того, губернатор в своем ответном письме угрожал повесить пленных буканьеров на городских стенах. Соукинс ответил: «Мы подойдем на кораблях к вашим стенам, чтобы вы могли получить удовольствие видеть пленных испанцев повешенными на реях. Мы хотим поставить вас в известность, что являемся начальниками над всеми Южными морями. Итак, решайте, стоит ли заставляя нас терпеливо ждать вашего решения о жизни или смерти наших людей, находящихся у вас в плену. Если вы решите убить их, то непременно получите головы пленных испанцев в понедельник утром.

Начальствующим над всеми Южными морями»⁶.

Но и эта угроза Соукинса не возымела действия. Тогда буканьеры решили повернуть на юг и искать более легкую добычу. Вскоре Соукинс, а также другой бывший сподвижник Моргана — Харрис — были убиты в стычках во время рейдов в прибрежные районы. Предводителем был избран Шарп.

Отдохнув на острове Горгона, буканьеры решили идти к городу Арика на перуанском побережье, который в свое время разграбил Фрэнсис Дрейк. В этот город доставлялось серебро, добытое в рудниках Перу. Но буканьеров ждала неудача. Городские власти, получив известие о появлении в перуанских водах англичан, надежно спрятали все сокровища, находившиеся в городе. По той же причине буканьеры не нашли ничего ценного для себя и в других прибрежных городах.

Идя на юг, буканьеры решили провести рождество на острове Хуан-Фернандес, находившемся в нескольких сотнях миль от побережья Чили. Это было очень удобное место для отдыха. Достоинства острова впервые были

описаны Шарпом в навигационных инструкциях, приложенных к атласу Южных морей. Шарп указывал на умеренный здоровый климат, плодородную почву, холмы, поросшие лесом, который мог быть использован в корабельном деле, наличие пресной воды, дичи. Остров был необитаем. «Если его заселить,— замечал Шарп,— то он будет представлять большую выгоду для англичан в торговле с испанцами в мирное время, а во время войны может служить первоклассной военно-морской базой»⁷.

Буканьеры были недовольны Шарпом. Он обещал дать каждому по 1 тыс. ф. ст. и не сдержал своего слова. Поэтому, когда все вино было выпито и закончилась мушкетная пальба в честь рождества, буканьеры переизбрали предводителя. Им стал Джон Уотлинг.

Буканьеры решили повернуть на север и попытаться захватить Арику. Но их опять ждала неудача. В стычке с испанцами погиб Уотлинг. Большинству казалось, что в создавшейся обстановке единственно разумным было бы возвращение Шарпа к руководству отрядом. Он, по крайней мере, мог управлять «Тринити». Но меньшинство, состоявшее из 44 человек, включая Дампира и Уофера, заявили, что это «неправильный выбор», ибо Шарп не может быть предводителем «ни с точки зрения его отваги, ни манеры поведения». Они забрали три лодки и решили идти на них к Панамскому перешейку, для чего надо было преодолеть 600 миль морского пространства. Руководителем группы стал Джон Кук, по словам Дампира, «разумный, очень интеллигентный человек, несколько лет пробывший приватиром».

Шарп и оставшиеся буканьеры, включая Рингроуза, пошли на юг, намереваясь обогнуть Южную Америку у мыса Горн. По пути они захватили испанский корабль, где обнаружили многочисленные карты Тихого океана. Увидев их, Шарп сразу же сообразил, что в его руки попала большая ценность, ибо подобные карты хранились испанцами в строгом секрете. Отряд Шарпа опять побывал на острове Хуан-Фернандес, где запасся провизией и пресной водой. Шарп решил проделать долгий путь к Барбадосу, не делая остановок.

С Барбадоса Шарп направился в Англию. Он понимал, что будет привлечен к суду за пиратство по требованию испанского посла в Лондоне, но рассчитывал получить прощение, передав британскому правительству захвачен-

ные им на испанском корабле карты Тихого океана, с которых он сделал две великолепные копии.

По прибытии в Лондон Шарп передал копии карт королю и первому лорду адмиралтейства. Результат превзошел все его ожидания. Шарп не только не был привлечен к суду, но его сделали капитаном корабля королевского военно-морского флота. На королевской службе, однако, Шарп был очень недолго и опять занялся буканьерством. Жизненные пути Шарпа и Дампира больше никогда не пересекались.

Расставшись с Шарпом, Дампир, Уоффер и 42 их товарища, включая пятерых негров-рабов и двух американских индейцев, на большой лодке и двух каноэ отправились на север. Это произошло 17 апреля 1681 г. С этой даты Дампир начал вести регулярные дневниковые записи.

Плавание к Панамскому перешейку было тяжелым, но главные трудности начались на суше. 150 испанских солдат и матросов поджидали англичан на побережье, в районе, наиболее подходящем для высадки. Но буканьеры сумели ускользнуть. Они уничтожили свои лодки и быстро скрылись в прибрежном лесу. Но и там их на каждом шагу подстерегала опасность. Любая встреча с испанцами грозила буканьерам гибелью, ибо если в первый раз, пересекая перешеек с востока на запад, они имели в своих рядах почти 350 человек, то сейчас их было всего 44. Страх перед испанцами постоянно преследовал их. Они даже условились между собой, что сзади идущий убьет своего товарища, если увидит, что тому грозит плен. Начался мучительный переход к восточному побережью перешейка. Предвидя ожидавшие его опасности, Дампир, и это очень характерно для него, позаботился в первую очередь о сохранении своих записей: «Я достал толстый ствол бамбука, залепил его с обеих концов воском, чтобы вода не проникла внутрь. Так я сохранил мой журнал и другие записи, хотя мне часто приходилось перебираться вплавь»⁸.

Идя по компасу через тропические джунгли, буканьеры должны были прорубать себе путь в дремучей чаще. Бесперывно шли ливневые дожди. Сокращая путь, буканьеры преодолевали бесчисленные речки и ручьи. Они бы умерли с голода, если бы не доброе отношение местных индейцев, которые кормили их и показывали путь.

На шестой день пути случилось несчастье с Уоффером.

Тот сушил порох. В это время искра из трубки стоявшего рядом буканьера упала на кучку пороха и воспламенила его. Уоффер получил такой сильный ожог колена, что не смог дальше идти, несмотря на все усилия. Он решил остаться у индейцев. К нему присоединились еще двое пожилых буканьеров, совершенно выбившихся из сил. Они прожили среди индейцев четыре месяца и так «акклиматизировались» среди них, что стали даже раскрашивать и татуировать себя в индейском стиле.

Остальные буканьеры продолжали свой путь. Без излишних эмоций, лишь приводя факты, Дампир описывает в своем дневнике всю тяжесть этого похода. Во второй главе «Нового путешествия вокруг света» он рассказывает: «На четвертый день мы начали наш марш рано, так как до полудня обычно было ясно, а пополудни шел сильный дождь. Но нам было в общем все равно: шел ли дождь, или светило солнце, ибо я совершенно уверен в том, что мы переходили реки по 30 раз в день... Мы не могли ни высушить одежду, ни обогреться, еды не было; все это делало переход очень тяжелым для нас... Когда мы перешли реку, то стали ждать отставших спутников... Через полчаса они подошли. Но тем временем прибыло столько воды, что ни они не могли перейти реку, ни мы им помочь. Мы решили подождать, пока вода спадет. Мы прошли две мили вдоль реки и там соорудили шалаши, пройдя за этот день шесть миль. Едва мы успели построить шалаши, как река еще больше разлилась и затопила берега, вынуждая нас отойти подальше. Ночь наступила до того, как мы смогли сделать новые шалаши, и нам пришлось лечь прямо на землю... Кто под одним деревом, кто под другим, и это было бы достаточно удобно, если бы погода была сухая. Но большую часть ночи шел необычно сильный ливень, сверкали многочисленные молнии и раздавались страшные раскаты грома.

На следующее утро, это был восьмой день пути, мы подошли к берегу и увидели, что вода спала... Тогда мы стали думать, как перейти реку... Но это было не так просто: мы не были в состоянии переправить наши вещи. Наконец мы решили послать одного человека через реку с веревкой, с тем чтобы переправить сначала все наши вещи, а затем людей. Согласился это сделать Джордж Гейни. Он взял один конец веревки и быстро обмотал его вокруг шеи, а второй оставил на берегу, и другой человек остался около веревки. Но когда Гейни был на бере-

дине реки, веревка, тянувшаяся за ним, случайно перекрутилась или запуталась, и человек, который следил за веревкой на берегу, схватил ее, от чего Гейни перевернулся на спину, а тот человек, который держал веревку в руке, бросил ее в реку, думая, что этим он исправит свою ошибку. Но течение было очень сильным и пловец, у которого на спине в мешке было три сотни долларов, пошел на дно, и мы его никогда больше не видели. Те двое, которых мы оставили на другом берегу за день до этого, рассказывали нам потом, что нашли его, лежащего мертвым у реки. Эдди оттащил его подальше на берег вместе с мешком на спине. Но денег они не взяли, будучи озабоченными лишь тем, как им выбраться из этой незнакомой местности».

Наконец буканьеры добрались до побережья Карибского моря. «Так мы закончили наше путешествие... за 23 дня,— пишет Дампир,— пройдя, по моим расчетам, 110 миль, преодолевая высокие горы, но обычно наш путь проходил по долинам через глубокие и опасные реки»⁹. Во время перехода отряд потерял лишь одного человека.

Буканьеры вышли к атлантическому побережью Панамского перешейка в районе Саунд-Кей. Там им повезло встретить другого буканьера — капитана Тристиана. Его корабль стоял в заливе. В благодарность за оказанную помощь буканьеры отдали индейцам все вещи, которые сохранились у них после перехода через перешеек, а также деньги — по полдоллара на человека, все, что у них осталось от богатств, награбленных во время плавания в Тихом океане.

Через три месяца к буканьерам присоединился Уоффер и два его спутника. При этом Уоффер решил разыграть своих товарищей. Он попросил знакомых индейцев доставить его на корабль в их каноэ. Уоффер был в индейском наряде, тело его было раскрашено. Войдя на борт корабля вместе с индейцами, он сел среди них «на корточки, по их обычаю,— писал Уоффер позднее.— Я хотел проверить, узнают ли они (англичане.— К. М.) меня в этом обличье. Прошло около часа, прежде чем один человек из команды вдруг воскликнул: „Да это же наш доктор!“ Они окружили меня и поздравляли с прибытием. Я сделал все, чтобы смыть с себя краску, но прошло около месяца, прежде чем я смог хоть как-то избавиться от нее, так как краска впиталась в кожу и так затвердела на солнце, что сходила вместе с кусочками кожи.

Что касается мистера Гопсона (одного из спутников Уофера.— К. М.), то, хоть мы и принесли его живым на корабль, он так и не поправился от перенесенных лишений и через три дня умер на борту корабля здесь, в Саунд-Кей»¹⁰.

Глава 2

ПУТЕШЕСТВИЕ ВОКРУГ СВЕТА

В течение трех месяцев, прошедших со времени прибытия буканьеров в Саунд-Кей, они бесцельно крейсировали у берегов Панамы. Дампир понимал, что он напрасно теряет время, но не знал, на что решиться. Вернуться за Ямайку он не мог: там уже знали о его «подвигах». Остаться здесь дольше Дампир не хотел. Безделье команды утомляло и раздражало его. «Это были,— писал Дампир впоследствии о своих спутниках,— унылейшие создания, какие я когда-либо видел. И хотя погода была плохой, что требовало многих рук наверху, большая часть из них слезала с гамаков только для того, чтобы поесть или справить нужду»¹.

Дампир перешел на корабль, которым командовал капитан Райт. Приятель Дампира, капитан Джон Кук, служил теперь квартирмейстером на судне, которым командовал голландец по фамилии Янки. Оба корабля плавали вместе. Но и здесь Дампир не нашел для себя ничего интересного. Опять потянулись бесцельные дни. Единственным, что ненадолго нарушило монотонность существования, был захват испанского судна с грузом вина, после чего обе команды беспробудно пьянствовали в течение нескольких дней.

Дампир покинул корабль Райта, отправившись на север, в Виргинию, где около года проработал на табачной плантации.

Тем временем Кук самостоятельно захватил испанский корабль, большое морское судно, вооруженное 18 пушками. Кук назвал его «Ревендж» («Мечь»). На этом корабле Кук вместе с Уофером отправился к берегам Северной Америки. Весенним утром 1683 г. «Ревендж» подошел к Чесапикскому заливу. Там Кук встретил Дампира

и познакомился с человеком, который называл себя Уильямом Коули, магистром искусств Кембриджского университета. Это был опытный пестурман. Впоследствии он опубликовал дневник плавания на «Ревендже». Дневник увидел свет спустя два года после выхода книги Дампира. Как Коули попал в компанию буканьеров, осталось неизвестным, поскольку этот «находчивый англичанин» (как он сам себя называл, чтобы сохранить инкогнито) тщательно избегал упоминания каких-либо деталей из своей биографии. В записках он даже настаивал, что понятия не имел о маршруте «Ревенджа» и о людях, составлявших команду корабля, чувствуя себя среди них, по его выражению, как «галка среди скал». А этими «скалами» на борту «Ревенджа» были 70 опытных «морских бродяг». Их целью был Тихий океан. Но они хотели идти туда на лучшем корабле, чем «Ревендж». Они решили, что захватить такое судно будет легче всего у берегов Африки, и потому направились сначала туда. У берегов Сьерра-Леоне они захватили 40-пушечный корабль, прекрасно подготовленный к длительному плаванию: в его трюмах было много продовольствия и воды, а также отличное вино. Кук назвал захваченное судно «Бечелес Делайт» («Услада холостяка»). Оказалось, что это был голландский корабль и, таким образом, захват его являлся актом пиратства в отношении дружественной страны. Неудивительно, что Дампир в своей книге ни словом не упоминает об этом эпизоде, в то же время с большими подробностями рассказывая о встречающихся им во время плавания к Африке летающих рыбах, фламинго, детально описывая конфигурацию африканского побережья. Что Кук сделал потом с «Ревенджем», а также с 30 негритянками, оказавшимися на борту захваченного корабля, неизвестно. По всей вероятности и корабль, и негритянки были вскоре проданы. Работоторговля в те дни процветала.

Новый корабль Кук повел к берегам Южной Америки, намереваясь выйти в Тихий океан через Магелланов пролив. Но Дампир отсоветовал ему это делать, указав на опасность прохода через коварный пролив без карт и с такой распушенной командой. Он предложил обойти Южноамериканский материк у мыса Горн. Кук принял совет Дампира.

Когда корабль Кука огибал мыс Горн, погода, всегда плохая в этом районе, была особенно неблагоприятной.

Коули нашел этому суеверно-проницательное объяснение. В своем дневнике в день св. Валентины 1684 г. он сделал следующую запись: «Мы пренебрегли Валентинами, заведя интрижки с туземными женщинами, что вызвало страшный шторм, отогнавший нас к $60^{\circ}30'$ ю.ш. Никогда еще ни один корабль не заходил так далеко на юг. Мы заключили, что интрижки с женщинами очень опасны и вызывают шторм»².

Дампир, имевший жену в Англии, опускает эту историю в своей книге, упоминая лишь, что их корабль действительно отклонился к югу дальше, чем это делало какое-либо судно до них.

Обогнув мыс Горн, «Бечелес Делайт» направился на север к берегам Чили. У чилийских берегов Кук увидел неизвестный корабль. Он приказал приготовить пушки к бою, команда уже готовилась взять судно на abordаж. Но оказалось, что это был английский корабль «Николас» из Лондона, которым командовал приватир Джон Итон, также намеревавшийся захватить испанские суда в этих водах.

Итон рассказывал, что ему на пути встретился корабль «Сигнит» («Молодой лебедь») под командованием капитана Свана, в составе экипажа которого был приятель Дампира Базиль Рингроуз. Корабль Свана был приспособлен для легальных торговых операций. В его трюмах находились товары стоимостью в 5 тыс. ф. ст. Капитан Сван собирался продать их в Южной Америке. Но это было бессмысленное предприятие, ибо испанские власти в колониях запретили какую-либо торговлю с иностранцами. Когда «Сигнит» попытался войти в один из южноамериканских портов, то был обстрелян береговой артиллерией.

Пока Сван искал возможность наладить легальную торговлю в портах Южной Америки, «Бечелес Делайт» и «Николас» шли к острову Хуан-Фернандес. Командам надо было отдохнуть после тяжелого похода, пополнить запасы воды и продовольствия.

Остров, как хорошо было известно морякам, был необитаем. Но когда 22 марта 1684 г. оба корабля подошли к нему, то команды увидели на берегу человека, отчаянно машущего им. Дампир и Уоффер узнали его. Это был индеец с Москито-Кост по имени Уильям, который по несчастной случайности остался на острове, когда буманьеры под командованием Уотлинга и Шарпа ушли от-

туда три года назад. Вот как Дампир описывал со слов этого «Робинзона Крузо» его жизнь на острове: «Индеец прожил здесь один около трех лет, и хотя его несколько раз разыскивали там испанцы, которые знали, что он остался на острове, они так и не смогли его найти. Он был в лесу и охотился на диких коз, когда капитан Уотлинг вывел оттуда своих людей. Когда же он вернулся на берег, корабль уже шел в открытое море. У него было ружье и нож, маленький рожок с порохом и несколько пуль. Когда у него кончились пули и порох, он приспособился ножом отрезать от ружейного ствола куски железа, из которых делал рыболовные крючки, иглы, ножи, нагревая железо сначала на огне, который он добывал, ударяя ружейным кремнем по куску ствола своего ружья, а потом закаляя его, научившись это делать у англичан. Раскаленные куски железа он отбивал камнями и разрезал острым ножом или разламывал, а потом оттачивал их, затрачивая на это огромные усилия... Орудиями, сделанными таким вот образом, он обеспечивал себя провизией, которую мог предложить остров: козами или рыбой. Он рассказал нам, что вначале, до того как сделал крючки, он заставлял себя есть тюленьё мясо, малоприятное на вкус, но в дальнейшем он убивал тюленей в исключительных случаях, когда ему нужно было сделать лески, для чего он разрезал их шкуры на узкие ремешки. У него был маленький дом или хижина на расстоянии полумили от берега моря, которую он сделал из козьих шкур. Постелью ему служила куча хвороста высотой в два фута. Одежды на нем не было. Все, что на нем было до ухода корабля Уотлинга, износилось... Он увидел наш корабль за день до того, как мы встали на якорь, и был уверен, что мы англичане, и поэтому утром убил трех коз, чтобы угостить нас, когда мы сойдем на берег. Затем он пришел на берег, чтобы поздравить нас с благополучным прибытием. А когда мы высадились, находящийся у нас на борту индеец с Москито-Кост по имени Робин первым выпрыгнул на берег, подбежал к своему соплеменнику и припал лицом к его ногам. Тот помог ему встать и обнял его, а после этого сам упал к ногам Робина, и уже тот помог ему встать и обнял его. Мы с удовольствием наблюдали удивление, нежность и торжественность встречи, которую с такой непосредственностью демонстрировали оба эти человека. А когда церемония учтивости закончилась, мы, стоявшие невдалеке, подошли

и ему и каждый из нас обнял его, переполненного радостью от встречи со столькими старыми друзьями, оказавшимися здесь, вероятно, для того, чтобы забрать его отсюда»³.

Проведя три недели на острове, англичане двинулись дальше на север. В течение 18 месяцев они находились у берегов Южной Америки, совершая набеги на прибрежные города и захватывая испанские суда. Опорными их базами были Галапагосские острова и небольшой островок у берегов Колумбии, где, по преданию, Дрейк делил сокровища, захваченные им на корабле «Какафуэго». Но ничего ценного англичане за это время не захватили. Испанские колониальные власти знали о появлении буканьеров и приняли соответствующие меры предосторожности. Так, на это время была прекращена перевозка драгоценных металлов из Перу в Панаму морским путем.

День за днем Дампир скрупулезно описывал все им виденное: флору и фауну, вид городов, обычаи коренных жителей и т. п. Это были первые детальные описания далеких заморских стран, сделанные англичанином.

О том, насколько подробно Дампир описывал даже, казалось бы, незначительные вещи, дает представление приведенный ниже отрывок из его книги «Новое путешествие вокруг света». Дампир рассказывает о плоде авокадо, который тогда сделался деликатесом в Англии. «Дерево авокадо, — пишет Дампир, — такого размера, как самое большое грушевое дерево, и обычно очень высокое; кора черная и очень гладкая; листья большие, овальной формы, плод размером с большой лимон. Он зеленого цвета, пока не созреет, а тогда он немного желтеет. Они редко пригодны для еды, пока не полежат два или три дня, после того как их соберут; тогда они становятся мягкими, и кожура очищается. Мякоть зеленого цвета или с небольшой желтизной. Внутри мякоти находятся косточки размером с каштан. Этот фрукт сам по себе не сладкий, поэтому его смешивают с сахаром и лимонным соком, тогда это отличное кушанье. Обычно его едят с солью, уксусом и поджаренными бананами; и если человек голоден, то это хорошая еда для него. Его полезно есть в любом виде»⁴.

Столь же подробно описывает Дампир плавание вдоль южноамериканского побережья. Так, в пятой главе «Нового путешествия вокруг света» содержится рассказ о действиях у острова Лобос, недалеко от берегов Перу.

«Здесь мы чистили наши корабли, а когда были готовы к плаванию, допросили пленных, чтобы узнать, сможет ли кто-либо из них указать на города, на которые мы могли бы с успехом напасть, поскольку до этого они сообщили нам, что испанцы о нас знают и пока мы здесь находимся, не будут отправлять по морю сокровища. Говорилось о многих городах, таких, как Гуаякиль, Трухильо и др. Наконец, Трухильо был указан как наиболее важный, поэтому, похоже, надо было идти туда и захватить город. Это не вызвало дискуссий: все мы знали, что это очень населенный город. Но наибольшая трудность состояла в высадке, поскольку Гуанчако, самый близкий к нему порт, находился на расстоянии шести миль и был плохим местом для высадки. Даже рыбаки, живущие там, не могли пристать к берегу в течение трех или четырех дней. Однако 17 мая пополудни наши люди, собравшись в кают-компаниях обоих кораблей, высказались за нападение на Трухильо. Нас было всего 108 человек, кроме больных. На следующий день мы намеревались начать плавание и взять захваченные ранее корабли с собой. Но на следующий день один из наших людей, будучи на острове, заметил три корабля, идущие на север, два из которых шли с западной стороны острова, а один — между островом и материком. Мы быстро подняли якоря и бросились в погоню. Капитан Итон, который в то время брал последнюю пробу воды, погнался за двумя судами, шедшими вдоль западного побережья острова. Мы на корабле капитана Кука пошли за третьим, вскоре его захватили и вернулись с ним к острову, поскольку видели, что капитан Итон не нуждался в нашей помощи, захватив оба судна, за которыми гнался. Он вернулся с одним из них, другое так далеко отнесло ветром в открытое море, что он не смог забрать его, но надеялся пригнать на следующий день. Но, будучи тяжело нагруженным, судно едва передвигалось. За весь день 19 мая оно почти не приблизилось к острову. Наши индейцы с Москито-Кост, охотясь по своим обычаям, поймали шесть черепах. Их здесь великое множество. Корабли, которые мы захватили за день до этого, шли из Гуанчако. Все три были нагружены мукой, предназначавшейся для Панамы. Два были очень тяжело нагружены, так что едва шли, а третье успели загрузить лишь наполовину, но вице-король Лимы приказал ему плыть вместе с двумя другими, в противном случае оно должно было остаться в порту, пока мы

не уйдем из этих мест. Вице-король надеялся, что корабли смогут избежать встречи с нами, если уйдут раньше. На самом большом судне было письмо правителю Панамамы от вице-короля Лимы, предупреждавшего его, что в море находятся враги и по этой причине он послал эти три корабля с мукой, которую тот, может быть, не ждет, и просит бережливо ее расходовать, так как не знает, когда сможет послать еще (Панама снабжалась из Перу). На этом корабле было 7 или 8 т мармелада из айвы и величественный мул для правителя Панамамы, а также огромная раскрашенная деревянная фигура девы Марии для новой церкви в Панаме, посланная из Лимы вице-королем... Корабль должен был также доставить из Лимы в Панаму около 2 млн. ф. ст. Но пока на него грузили муку, до купцов дошел слух, что капитан Сван появился в Вальдивии (порт в южной части Чили.— *К. М.*), и было приказано отправить деньги назад на берег. Пленные испанцы сообщили нам, что жители Трухильо строят форт в Гуанчако (который является морским портом Трухильо) у самого моря, возможно, для того, чтобы отразить любую попытку высадки там на берег. Услышав эти новости, мы изменили наши первоначальные планы и решили идти, взяв с собой три захваченных испанских корабля, к Галапагосам, которые представляют собой огромное множество больших островов, лежащих у экватора или рядом с ним»⁵.

На Галапагосских островах умер Джон Кук и капитаном «Бечелес Делайт» стал Эдвард Дэвис, бывший до этого квартирмейстером корабля, очень опытный моряк.

Вскоре Дэвис поссорился с Итоном при дележе добычи, и последний решил плыть самостоятельно. Он повернул свой корабль на запад, направляясь в Ост-Индию. Штурманом его корабля был Коули. В Ост-Индии Коули расстался с Дэвисом, отправившись в Англию на голландском корабле. В 1699 г. была опубликована его книга об этом путешествии. Что стало с Итоном — неизвестно. «Бечелес Делайт», однако, недолго оставался в одиночестве. Вскоре появился капитан Сван на своем «Сигните». После неудачной попытки законным образом вести торговые дела в Южной Америке Сван по сниженной цене продал товары буканьерам, а затем вообще присоединился к ним, хотя и не любил их. «Заверь моих хозяев, — взволнованно писал он жене... — что я сделал все, что мог, чтобы соблюсти их интересы, и то, что со мной сейчас

произошло, я не в силах был предотвратить. Я прошу их сделать все, что они могут, чтобы добиться у короля моего прощения, ибо предаю себя его суду и я скорее умру, чем буду жить, скрываясь, подобно бродяге, в боязни наказания»⁶.

Кроме Свана с его людьми, в этом месте стали собираться и другие буканьеры. Скоро их общая численность достигла тысячи человек. Капитан Харрис, племянник старого приятеля Дампира, с которым тот переходил Панамский перешеек, ставший с тех пор, по выражению Дампира, «обычной дорогой буканьеров», появился с флотилией каноэ, на которых находилось около сотни человек. Пришел также французский капитан Гронье с командой из 280 человек. Один из них, Луссан, впоследствии опубликовал записки об обычаях буканьеров, включая обязательную мессу перед разграблением очередного города. Был и английский капитан Таунли с отрядом в 180 человек. Пришли и другие шайки буканьеров.

Прежде всего было решено дожидаться корабля, который вез серебро из Лимы в Панаму. Испанский флот показался 28 мая 1685 г., но среди этих судов не было корабля с драгоценным грузом. То были военные корабли, задачей которых являлось очищение прибрежных вод от грабителей. Буканьеры насчитали 14 судов, в большинстве своем крупных. Силы испанцев в три раза превосходили силы буканьеров. Но, как известно, лучшая защита — это нападение. Дэвис, капитан самого крупного корабля буканьеров, решил напасть на неприятельский флот вечером, используя благоприятный ветер. Но другие буканьеры его не поддержали, к тому же ветер переменился. Тактическое превосходство, даваемое неожиданностью нападения, было потеряно. Теперь уже испанские корабли устремились на них. Дампир писал, чем кончилось дело: «Видя их, несущихся на нас на всех парусах, мы скрылись».

После этого компания буканьеров начала распадаться. Первыми ушли французы. Но никто об этом не жалел. Англичане, оставшись одни, решили начать нападения на прибрежные города. Дампир с 60 людьми был оставлен охранять корабли, в то время как остальные, пройдя 20 миль в глубь континента, напали на город Лион (в Никарагуа). Город был взят авангардом отря-

да, которым командовал Таунли. Но выкупа у местных властей получить не удалось. В то же время распространились слухи, что испанские регулярные части концентрируются неподалеку, чтобы отрезать англичанам путь к берегу. Поэтому буканьеры поспешили вернуться на корабли.

Другая попытка захватить галион с драгоценностями на его пути к Акапулько (в Мексике) также была неудачной. Еще одно поражение, понесенное буканьерами уже в начале нового, 1686 г., когда они потеряли убитыми 50 человек, в том числе Базиля Рингроуза, «преданнейшего друга», как писал о нем Дампир, положило конец их приключениям у тихоокеанского берега Южной Америки. Таунли со своим отрядом пошел через территорию Никарагуа к атлантическому берегу. Дампир перешел на корабль Свана не потому, что поссорился с Дэвисом, а потому, что до этого уже сговорился со Сваном идти на запад через Тихий океан. А «Бечелес Де-зэйт» с Дэвисом и Уоффером на борту ушел на юг. Обогнув мыс Горн, корабль поднялся до Чесапикского залива, где Дэвис и Уоффер были арестованы по обвинению в пиратстве и заключены в тюрьму. Лишь усилиями опытного адвоката, нанятого Уоффером, им удалось избежать серьезного наказания. Уофферу это обошлось в 300 ф. ст. Дэвис позднее присоединился к знаменитому пирату капитану Кидду. Через несколько лет Дампир встретил своих приятелей в Лондоне.

«Сигнит» оказался единственным буканьерским судном в Тихом океане. Команда корабля рассчитывала, что в западной части Тихого океана они, наконец, сумеют поживиться. Но Сван, не любивший, как уже говорилось, пиратский промысел, не хотел нападать на корабли и прибрежные города. А Дампир мечтал подняться на корабле как можно севернее и искать западный вход в легендарный северо-западный проход, соединявший якобы Тихий океан с Атлантическим. Кстати сказать, Джеймс Кук во время своего третьего плавания по Тихому океану, 80 лет спустя, тоже искал этот проход.

Но настойчивое стремление команды продолжать морской разбой возобладало над благими намерениями Свана и Дампира.

В конце XVII в. плавание в Тихом океане было по-прежнему очень сложным. Не было достаточно точных

карт. Не существовало установленного понятия долготы, а следовательно, не было единого мнения о ширине Тихого океана. Еще не существовало международного определения не только градуса, но даже и мили. Имеет ли Тихий океан в ширину 7 тыс. миль или только 6 тыс., можно ли его пересечь за 70 или 50 дней, сколько соответственно нужно брать продовольствия? На все эти вопросы определенного ответа не было. Сван мог только руководствоваться опытом Дрейка и Кавендиша, единственных английских мореплавателей, совершивших ранее кругосветное плавание. К тому же Сван был убежден, что его «Сигнит» — лучший корабль, чем «Золотая лань» Дрейка.

Плавание началось 31 марта 1686 г. от мыса Корриентес в Мексике на двух судах: «Сигните» — с сотней человек на борту и барке, которым командовал капитан Тит, где находилось 50 человек.

Корабли достигли Гуама за 51 день, покрыв расстояние в 7323 мили. За все время плавания люди не видели ни рыб, ни птиц. Погода была очень плохая. К тому времени, когда они увидели землю, дневной рацион составлял лишь полкружки маиса, продовольствия оставалось на три дня. Позднее Дампир узнал, что матросы сговорились убить офицеров и съесть их, если им не встретится земля. «О, Дампир, — сказал Сван, когда тот рассказал, ему об этом. — Вы бы дали им очень плохую пищу». «Я был очень тощий, а капитан крупным и полным», — писал Дампир.

Гуам был первым из тихоокеанских островов, открытых европейцами, и также стал первым объектом европейской колонизации в Тихом океане. Кстати сказать, народ Гуама до сих пор не получил независимости.

В конце ноября 1520 г. три испанских корабля под командованием Магеллана прошли через пролив у самой южной оконечности Южной Америки, носящий теперь имя этого великого мореплавателя, и вышли на просторы Великого океана. Испанцы взяли курс на северо-запад, начав новый этап своего кругосветного путешествия.

Около четырех месяцев плыли они, не видя земли. Переход был весьма изнурительным. Вот как описывает его один из спутников Магеллана, ставший историографом его путешествия, Антонио Пигафетта: «Три месяца и 20 дней мы были совершенно лишены свежей пищи. Мы питались сухарями, но то уже были не сухари, а су-

тарная пыль, смешанная с червями, которые сожрали самые лучшие сухари. Мы пили желтую воду, которая гнила уже много дней. Мы ели также воловью кожу, покрывавшую грот-грей, чтобы ванты не перетирались; от действия солнца, дождей и ветра она сделалась непомерно твердой. Мы замачивали ее в морской воде в продолжение четырех-пяти дней, после чего клали на несколько минут на горячие уголья и съедали ее. Мы часто питались древесными опилками. Крысы продавались по полдуката за штуку, но и за такую цену их невозможно было достать. Однако хуже всех этих бед была вот какая. У некоторых из экипажа верхние и нижние десны разбухли до такой степени, что они не в состоянии были принимать какую бы то ни было пищу, вследствие чего и умерли. От этой болезни умерло 19 человек... Из числа 30 человек экипажа переболело 25, кто ногами, кто руками, кто испытывал боль в других местах, здоровых осталось очень мало»⁷.

Согласно устоявшейся версии, корабли Магеллана достигли Гуама 6 марта 1521 г. Парадоксально, но факт, что Магеллан, пройдя с юго-востока на северо-запад всю южную часть Тихого океана, миновал тысячи островов, среди которых были такие крупные, как Новая Зеландия и Новая Гвинея, и даже целый континент — Австралия и натолкнулся на своем пути лишь на маленький остров, расположенный уже в северных широтах океана.

После многомесячного трудного плавания Магеллан и его спутники с радостью вступили на твердую землю. Они отдохнули, пополнили запасы пресной воды, погрузили в трюмы судов свежие продукты. Но задерживаться на острове Магеллан не собирался. Он спешил достичь вожденных островов Пряностей. Поэтому 9 марта Магеллан покинул Гуам, взяв курс на запад.

Даже за столь короткий срок пребывания на острове он успел вступить в конфликт с его обитателями. Обвинив островитян в попытке украсть лодку с одного из судов, Магеллан во главе отряда из 40 вооруженных матросов произвел набег на окрестные селения.

Антонио Пигафетта так описал это событие: «Тогда капитан-генерал (Магеллан.— К. М.) в гневе высадился на берег с 40 или 50 вооруженными людьми, которые сожгли 40—50 хижин вместе с большим числом людей и убили семерых туземцев... Когда кто-нибудь из туземцев бывал ранен дротиками из наших самострелов, которые

пронзали его насквозь, он раскачивал конец дротика во все стороны, вытаскивал его, рассматривал с великим изумлением и таким образом умирал»⁸.

Обвинив аборигенов в воровстве, Магеллан назвал открытую им землю *Isla de los Landrones*, что в переводе с испанского означает «остров Воров», или «Разбойничий остров»^{*}.

Через десять дней Магеллан открыл Филиппинские острова, где 25 апреля 1521 г. он был убит в стычке с жителями острова Матан.

Магеллан не считал открытый им остров Гуам представляющим какую-либо ценность и не произвел сакраментального ритуала провозглашения над ним власти испанского монарха. Не сделала этого и вторая испанская экспедиция во главе с Гарсиа Хофре де Лояйса, побывавшая на острове в начале сентября 1526 г. Лишь в 1565 г. испанская экспедиция под командованием М. Легаспи формально распространила суверенитет испанского монарха на открытый Магелланом остров, который коренные жители называли Гуамом. 26 января 1565 г. Легаспи в сопровождении своих офицеров сошел на берег. Он выбрал место около трех пальм, росших неподалеку, и приказал поставить там алтарь. Затем, обнажив меч, Легаспи срубил им несколько пальмовых веток, из которых сделал крест, и повесил над алтарем. После этого, отсалютовав кресту мечом, Легаспи громким голосом провозгласил: «Я, Мигель Лопес де Легаспи, губернатор и генерал-капитан, назначенный его величеством командовать этими людьми и кораблями, совершающими на королевской службе открытие островов на западе, во имя его величества, короля дона Филиппа, беру и объявляю королевской собственностью этот остров и все земли, относящиеся к нему»⁹.

Легаспи провел на Гуаме всего 11 дней, но успел отличиться убийствами аборигенов. 3 февраля 1565 г. экспедиция покинула Гуам и направилась на Филиппины, где Легаспи провел последние семь лет жизни. Умер он 20 августа 1572 г.

Провозглашение Гуама собственностью Испании представляло собой, однако, чисто символический акт. До первой попытки испанской колонизации острова должно было пройти еще более 100 лет.

^{*} Это название впоследствии было распространено на все острова архипелага, в который входил Гуам.

Все это время остров не имел постоянного европейского населения. Его время от времени посещали мореплаватели различных национальностей; для испанцев же весь этот период Гуам служил отличной базой на пути следования их кораблей из Мексики на Филиппины и обратно.

Удобный обратный путь из Индии испанцы начали искать еще со времени экспедиции Магеллана. В 1522 г. один из кораблей его экспедиции «Тринида», покинув Молуккские острова, попытался вернуться в Испанию через Тихий океан, но сильные штормы и недостаток продовольствия заставили судно повернуть назад.

После того как испанцы прочно обосновались на Филиппинах, превратив Манилу в крупнейший торговый центр, связанный широкими коммерческими контактами со странами Дальнего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии, они установили регулярное сообщение между Манилой и крупнейшим городом на тихоокеанском побережье Мексики Акапулько.

Испанские корабли, груженные драгоценными металлами и камнями, тканями, специями и другими дарами Востока, отправлялись в Акапулько. Они покидали Филиппины обычно в июле, продвигаясь на северо-восток почти до 38° или 40° с.ш. Там сильные ветры гнали корабли через океан к северной части Калифорнии, а отсюда они шли вдоль берега почти 3 тыс. миль до Акапулько. Позднее, чтобы избежать сильных штормов, столь частых в северных широтах, а главное — нападения английских и португальских пиратов, поджидавших корабли у американских берегов, испанцы стали проводить корабли много южнее. Но здесь их встречали менее благоприятные ветры, и они достигали Акапулько лишь после пятимесячного плавания.

В Акапулько корабли, едва разгрузившись, собирались в обратное плавание. Их трюмы пополняли серебром и другими товарами для обмена на драгоценности Востока. Кроме того, корабли везли частную почту, официальную корреспонденцию, оружие. Они доставляли к месту службы колониальных чиновников, солдат, миссионеров. Суда везли также осужденных в Мексике и Испании в ссылку на Филиппины. Эти рейсы совершали специальные корабли — галионы.

Нельзя с уверенностью сказать, какая страна была родиной галиона, этого удивительного корабля, сильно

отличающегося от своих собратьев. Он выглядел неуклюжим и громоздким: четыре мачты, высоко поднятые нос и корма, широкий корпус при сравнительно небольшой — 170—175 футов — длине. Водоизмещение галионов доходило до 2 тыс. т.

Галионы строились обычно на Филиппинах, в Кавите. Все было рассчитано на прочность и вместительность. Остов сооружался из тика, шпангоуты, киль и руль — из местного дерева молаве с чрезвычайно прочной древесиной; обшивка изготовлялась также из крепкого дерева лананг, такелаж — из манильской пеньки. Только металлические части ввозились из Китая и Японии. Даже 24-фунтовые пушечные ядра не пробивали борта галиона. Но это тяжелое судно, не обладавшее ни скоростью, ни маневренностью, легко становилось жертвой если не пиратов, то штормов и тайфунов.

Командир галиона носил пышный титул «генерал от моря». Команда иной раз насчитывала до 400 человек, включая бомбардиров и солдат. Груз оценивался в миллионах песо.

На Гуам галионы попадали, совершая обратный рейс из Акапулько в Манилу. По королевскому указу 1668 г. заход на остров стал обязательным. Галион покидал Акапулько в феврале—марте и, подгоняемый пассатами, два месяца спустя подходил к берегам Гуама. Корабль ждали. В июне каждую ночь на вершинах холмов зажигались сигнальные огни.

Коренные жители острова — чаморро — оказывали испанским колонизаторам поистине героическое сопротивление. Особый размах оно приобрело с начала 70-х годов XVII в. и длилось почти до конца XVII столетия.

В конце апреля 1672 г. на Гуам прибыл галион «Сан-Диего», поставляющий подкрепление местному испанскому гарнизону. Во главе восстания стоял вождь деревни Тумон Матапанг, человек, несомненно, выдающихся способностей и мужества. 2 мая командир испанского гарнизона Сантьяго выступил против Матапанга в деревню Тумон. Он не нашел вождя и в отместку сжег его дом, еще несколько домов, а также каноэ и отправился в Аганью.

Его отряд шел по дороге вдоль берега океана и неожиданно наткнулся на заграждение из кустарника и бревен. Капитан Сантьяго приказал отряду обойти преграду со стороны рифов. Как только солдаты вошли в

воду, они были атакованы островитянами, неожиданно появившимися здесь на лодках. Другая группа напала на испанцев с суши. С большим трудом отряду удалось прорваться к Аганье. Сантьяго и несколько его солдат были серьезно ранены.

Сражения с островитянами продолжались до 10 ноября 1673 г. и после временной передышки возобновились с новой силой в начале 1674 г.

В середине июня 1674 г. на Гуам прибыл капитан Эспланья, вставший во главе местного гарнизона. С ним прибыли 30 солдат. Его действия против островитян отличались особой жестокостью. Эспланья целиком сжигал деревни, убивая почти поголовно всех жителей. Кровавыми расправами ему удалось временно подавить сопротивление островитян. Этим воспользовались миссионеры, открывшие в течение 1675 г. несколько новых церквей на Гуаме.

10 июня 1676 г. к берегам Гуама пришел галион «Акапулько», на борту которого находились капитан Франсиско Иррисарри, пять священников и 74 солдата. Иррисарри был не только начальником гарнизона, но и единоличным главой администрации Гуама как светской, так и духовной.

Этот первый в истории Гуама губернатор пролил немало крови, насаждая христианское учение и обряды. Опять сжигали деревни, убивали жителей. Сопротивление аборигенов начало вновь расти, но испанцы, используя огнестрельное оружие, жестоко его подавили. Многие вожди островитян, в том числе один из руководителей восстания, Агуарин, бежали на остров Рота.

В конце июня 1678 г. Иррисарри был смещен прибывшим на Гуам Хуаном де Саласом, который также начал свою деятельность на посту губернатора с уничтожения деревень и убийства жителей. Кровавые расправы не смогли сломить сопротивления аборигенов. Один из отцов-иезуитов так писал о событиях того времени: «Хоть наше оружие отличалось значительным превосходством, мы вынуждены были встречаться с противником в теснинах гор, где он был у себя дома. Мы воевали с людьми, которые не признавали открытых сражений, предпочитая нападать из засад и атаковать копьями и камнями, летевшими на наши головы с облаков»¹⁰.

В 1680 г. на Гуаме появился новый губернатор — Хосе де Квируга. Мы уже отмечали, что каждый из

гуамских губернаторов методом кровавого террора расправлялся с коренным населением. Но даже среди них Квируга выделялся своей нечеловеческой жестокостью. Огнем и мечом прошел он не только по Гуаму, но и по Роте, куда, как мы отмечали выше, бежали многие из восставших. В числе тысяч и тысяч островитян были убиты и их вожди Матапанг и Агуарин, захваченные Квиругой. Квируга сгонял оставшихся в живых в новые укрупненные деревни, которые легче было держать под постоянным контролем испанских властей. К началу 1681 г. на Гуаме осталось не более 5 тыс. местных жителей, тогда как ко времени появления испанцев на острове проживало около 50 тыс. человек.

В августе 1681 г. Квиругу сменил Антонио де Саравия. При нем жестокий террор несколько смягчился. И это понятно. На острове ощущалась острая нехватка рабочей силы как для производства продуктов питания, так и для обслуживания нужд прибывающих испанских галионов.

Губернатор Саравия собрал всех вождей острова и заставил их 8 сентября 1681 г. дать следующую клятву: «Мы, губернатор и вожди деревень и городов этого острова, называемого Гуамом, главного острова среди других Марианских островов, собравшиеся в церкви Общества Иисуса... свободно и добровольно обещаем... оставаться верными подданными нашего короля и законного правителя дона Карлоса II, монарха Испании и Индии, и подчиняться законам, которые его величество решит нам дать»¹¹.

Из текста клятвы следовало, что островитяне становились подданными испанской короны и формально получали одинаковые со всеми испанцами права. Губернатор отдал управление городами и деревнями острова в руки местных вождей. Один из них, Антонио Аихи, был даже назначен на должность помощника губернатора. В деревни послали кузнецов для обучения островитян искусству обработки железа.

В ноябре 1683 г. Саравия умер, и на его место был назначен Эспланья, который ранее уже был на Гуаме. Он начал свою деятельность с того, что решил укрепить власть испанцев на других островах Марианского архипелага. 22 марта 1684 г. Эспланья послал вооруженный отряд на Тиниан, а затем на Сайпан, где была учинена настоящая резня.

Отправив, однако, значительную часть войск на острова, Эспланья ослабил свои позиции на Гуаме, чем не замедлили воспользоваться островитяне.

Восставших возглавил местный житель по имени Яра, который после крещения получил имя Антонио Яра. В воскресенье 23 июля 1684 г. Яра во главе отряда из 30 человек неожиданно напал на испанцев, идущих к мессе. Губернатор Эспланья был ранен. Другие группы островитян атаковали форт и миссионерский дом. В это же время один из вождей, Ритидиан, был послан на остров Рота за подкреплениями. Вскоре более 70 каноэ с жителями Роты прибыли на помощь восставшим.

Весть о восстании на Гуаме быстро распространилась на острова архипелага. Жители Сайпана, где в то время находился испанский отряд, осуществлявший карательную экспедицию, напали на него и вынудили испанцев уйти с острова. В одном из сражений был убит Яра, но оставшиеся без вождя островитяне продолжали борьбу. Окончательно подавить очаги сопротивления на острове испанцам удалось лишь к июлю 1695 г.

Таким образом, англичане прибыли на Гуам в беспокойное для испанцев время. К их большому удивлению, испанские власти на Гуаме оказали им хороший прием, быстро снабдив всем необходимым для продолжения плавания. По-видимому, это объяснялось желанием губернатора острова поскорее избавиться от опасных гостей, поскольку на остров в ближайшее время должен был прибыть галион, о чем англичане и не подозревали.

Следующей остановкой был остров Минданао (Филиппины), где англичан встретили необычайно радушно. Хотя одежда на них висела лохмотьями, лица были покрыты щетиной, они были англичанами, а не голландцами и испанцами, с которыми островитяне уже были хорошо «знакомы». Это и определило теплоту встречи, помимо природного радушия островитян.

«Самые бедные и ничтожные из нас,—писал Дампир,—могли с трудом пройти по улицам. Нас даже силой заставляли войти в их дома, чтобы угостить. Угощение составляли мясо, орехи, табак, сладкая вода. Жители казались искренними и простыми и так мило предлагали свои дары, что общение с ними было очень приятным. Когда мы входили в их дома, они всегда пре-

возносили англичан, говоря, что англичане и они едины. Это они подтверждали очаровательными жестами, складывая руки. Говоря же о голландцах и испанцах, они широко разводили руки и с презрением встряхивали ими»¹².

Сван был очень доволен пребыванием на острове. Все свое время он проводил при дворе султана, где в его честь каждую ночь устраивались празднества с танцами девушек. У него возникла идея создать торговую факторию на острове, благо у него имелись деньги еще от продажи товаров буканьерам. Сван почти не появлялся на корабле, сибаритствуя на берегу. Его тщеславию льстило, что во время еды два музыканта услаждали его слух. На корабле Сван появлялся только для того, чтобы наказать кого-либо из провинившихся матросов.

Недовольство команды своим капитаном росло. Взрыв гнева вызвало сообщение корабельного канонира, убившего в отсутствие Свана его каюту, о «черном списке», в котором содержались фамилии тех, кого капитан собирался наказать. Команда, возглавляемая Джоном Ридом, потребовала немедленного возвращения Свана на корабль, грозя в противном случае уйти в море без него.

Хотя Дампир не считал, что Рид лучше Свана, он присоединился к большинству, поскольку понимал, что Сван решил остаться на острове, боясь вернуться на родину, где его ждало наказание за пиратство, а Дампир хотел закончить свое кругосветное плавание. «Если бы капитан Сван даже пришел на корабль,— писал Дампир,— то он никогда бы не смог ни восстановить себя в правах капитана с необходимым для этого благоразумием и достоинством, ни переждать, пока утихнет недовольство. Итак, мы оставили капитана Свана и 36 человек команды в городе»¹³.

Рид стал капитаном «Сигнита», а Тит — его помощником. Дампир держался в тени, поскольку было известно о его дружеских связях со Сваном.

Буканьеры бесцельно блуждали в водах Спама, а затем отправились на север, к Кантону. У Дампира зрела мысль сбежать с «Сигнита» на какой-нибудь ост-индский корабль. Как Дампир замечал в своем дневнике, его «достаточно утомила эта сумасшедшая команда». Но случай не представлялся, и Дампир остался на корабле, «полагая, что чем дальше мы будем плыть, тем боль-

ше знаний и опыта я получу, что я считал своей главной задачей».

Конечно, Дампир видел много необыкновенного в этой части света: обычаи и церемонии неведомых европейцам народов, удивительный природный мир. Он подробно описывал в своих дневниках такие диковинки, как хлебное дерево, лимоны, плоды манго, кокосовые орехи. Бананы были еще неизвестны в Европе. Дампир так, например, описывал бананы: «Небольшой, в половину длины пизанга, но более сладкий и мягкий, менее сочный, еще более тонкого вкуса». «Банан, я берусь утверждать,— продолжал Дампир,— король среди всех плодов, не исключая и самого кокоса... Он так превосходен, что испанцы дают ему преимущество в сравнении со всеми другими плодами как самому полезному для жизни. Он вырастает длиной в 6 или 7 дюймов, толщиной в руку человека. Кожура мягкая и желтеет при созревании плода... Плод не тверже, чем масло зимой и такого же желтого цвета, как оно. Вкус у него тонкий, и он тает во рту, как мармелад»¹⁴.

Так, «кое-как тащась», по выражению Дампира, корабль Рида попал в зону действия тайфуна, который отогнал его далеко на юг. Вследствие этого случая Рид и его команда стали первыми англичанами, побывавшими у берегов Австралии — Новой Голландии, как ее тогда называли. Голландцы до той поры уже не раз посещали западный и северный берега пятого континента, но они думали, что эта земля — продолжение Новой Гвинеи. Они также понятия не имели о восточном берегу континента, который обнаружил Джеймс Кук спустя почти 100 лет.

Англичане высадились на бесплодном берегу австралийского материка 5 января 1688 г. Это произошло в месте, находившемся недалеко от современного залива Дампира и архипелага Буканьеров к западу от Дарвина, на 16°15' ю. ш. Англичанам, как и до них голландцам, не понравилась ни увиденная земля, ни ее жители, с которыми они не могли установить никаких контактов. Аборигены, как писал Дампир, «скажили зубы, подобно обезьянам», и кричали «гурри, гурри» глухими голосами.

«Жители этой страны,— писал позднее Дампир,— самые жалкие люди на свете. Готтентоты Мономотапы хоть и отвратительные люди, но сравнительно с этими

просто джентльмены; эти не имеют домов, одежды, овец, рогатого скота, фруктов, страусов и т. п., тогда как у готтентотов все это есть, и по всему своему образу жизни мало чем отличаются от зверей. Они высокие, узкокостные, с тонкими длинными конечностями. У них большие головы, покатые лбы и огромные брови. Их веки всегда полуопущены, чтобы не дать мухам влететь в глаза. Мухи здесь столь надоедливы, что от них невозможно отделаться; они лезут в ноздри и в рот, если губы не очень плотно сжаты. Так, с младенчества досаждаемые этими насекомыми, они никогда не открывают широко своих глаз, как другие люди, и поэтому они не могут смотреть вдаль, не вскинув головы, как если бы они смотрели на что-то, находящееся над ними. У них большие носы, приятные полные губы и широкие рты. Два передних зуба на верхней челюсти отсутствуют у них всех, мужчин и женщин, молодых и старых; вырывают ли они их, я не знаю; у мужчин никогда не бывает бород... У них нет жилищ, и они спят на открытом воздухе, ничем не укрытые. Земля — их ложе, небо — их полог... Их единственная еда — мелкие рыбешки... У них нет приспособлений, чтобы ловить крупных рыб...»¹⁵

Дампир отметил, что оружие австралийских аборигенов так же примитивно, как и их еда и одежда, и состоит из деревянных дротиков, заостренных на конце, и деревянных мечей, «выглядевших как сабля». Возможно, это были бумеранги, ведь Дампир никогда не видел их в действии.

Несмотря на весьма нелестный отзыв Дампира об австралийских аборигенах, нельзя не заметить, что он за короткое время наблюдения за ними вполне правильно подметил их основные антропологические черты. Современные антропологи указывают на те же признаки: высокий рост, стройность тела, узость костей рук и ног.

Англичане покинули австралийские берега 12 марта 1688 г., уйдя в Индийский океан.

Дампира вновь охватило желание уйти с корабля от деспотической власти Рида и беспробудного пьянства команды. Когда корабль достиг Никобарских островов, расположенных недалеко от Суматры, Дампир попросил Рида отпустить его на берег. Капитан согласился, но едва лодка, где находился Дампир, достигла берега, как ее догнал Тит с приказанием Рида вернуться на корабль под вооруженной охраной.

По возвращении Дампир нашел команду корабля в состоянии крайнего волнения. Корабельный врач Коппингер и один из матросов, Холл, потребовали, чтобы их отпустили на берег, но капитан отказался это сделать, поскольку команда не могла остаться без врача. Тогда Коппингер с мушкетом в руке спустился в лодку, находившуюся у борта корабля. Но тут же в лодку прыгнули несколько матросов. Они разоружили врача и доставили назад на корабль. После этого Рид обещал Дампиру и Холлу отпустить их на берег вместе с несколькими малайцами, которых Рид не хотел держать на борту корабля. Кто-то из дружески расположенных к Дампиру членов команды бросил им в лодку топор, чтобы они могли защищаться, если местные жители будут к ним враждебны. С этим оружием в руке Дампир вышел на берег. «Была прекрасная лунная ночь, когда мы высадились. Поэтому мы шли по песчаному берегу, чтобы наблюдать, когда наш корабль уйдет, не считая себя в безопасности на новом месте, пока это не произойдет. Около 11 или 12 часов мы увидели, что корабль поднял паруса, и тогда мы вернулись в жилища туземцев и легли спать. Это было 6 мая»¹⁶.

На следующее утро Дампир обменял топор на каноэ. Он и его спутники вместе с их багажом сели в лодку. Метрах в тридцати от берега каноэ перевернулось, пассажиры и их багаж оказались в воде. Правда, было неглубоко. Дампир и его спутники вытащили вещи на сушу. Несколько дней они сушили свои пожитки, пытались переделать каноэ в морской катамаран. Большинство морских карт, имевшихся у Дампира, было безнадежно испорчено, но дневник он все-таки сумел высушить. Кроме дневника и нескольких книг, скорее всего, морских атласов, у него из вещей остался только компас.

Дампир и его спутники поплыли в Аче, находившийся на северном побережье Суматры, в 150 милях от места их высадки. Это было самое тяжелое путешествие, какое когда-либо предпринимал Дампир.

«Было 15 мая 1688 г., около четырех часов пополудни, — писал Дампир, — когда мы покинули Никобарские острова, держа путь к Аче. Нас было всего шесть человек, два англичанина и четыре малайца, которые родились в Аче. 18 мая подул свежий ветер, небо начало покрываться облаками». В полдень Дампир хотел определить по солнцу место их нахождения, но сделать это

не удалось: солнце плотно закрыли облака. После полудня ветер продолжал усиливаться, бурно заходили волны. Каждая из них грозила потопить лодку. В ней уже было много воды, приходилось все время ее вычерпывать. «Вечер 18 мая был гнетущим,— продолжает Дампир.— Небо было очень черным, покрытым тяжелыми облаками, дул сильный ветер, по морю шли высокие волны. Море бросало в нас белой пеной, темная ночь окутала нас, нигде не было спасительной земли, а наш маленький ковчег, казалось, вот-вот накроет набежавшая волна... Я подвергался многим большим опасностям, о некоторых из них я уже упоминал, но худшая из всех них была не более чем детской игрой в сравнении с тем, что происходило. Я должен, к своему стыду, признаться, что в то время не мог собраться с мыслями. Другие опасности не приходили ко мне с такой спокойной и ужасной торжественностью. Неожиданное нападение, бой или что-либо в этом роде, когда льется чья-то кровь и все рвется вперед, обуреваемые страстями,— это совсем не то. Но здесь я смотрел томительным взглядом на приближающуюся смерть и почти не имел надежды избежать ее. Я должен признаться, что мое мужество, которое я до этого еще сохранял, покинуло теперь меня... Около 10 часов начался ливень с громом и молниями. Но дождь был приятен для нас, поскольку совершенно иссякли запасы пресной воды, которую мы захватили с собой. Ветер, дувший сильно, постепенно стал более умеренным, и море тоже успокоилось. И когда мы посмотрели на компас, то с удивлением обнаружили, что по-прежнему идем на восток... Но около двух часов утра 19 мая опять налетел сильный ветер с дождем, который лил до рассвета... Было очень темно. Сильный ливень промочил нас до нитки»¹⁷. Наконец, через пять дней плавания Дампир и его спутники добрались до Аче.

Малайцы, находившиеся с Дампиром, помогли ему и Холлу устроиться у местных жителей. Оба англичанина были совершенно истощены и страдали от малярии. Затем на них свалилась новая напасть — дизентерия. Малярия также продолжала сильно трепать их. Единственным средством снизить жар считалось кровопускание. Дампир хотел сам сделать себе операцию, но лезвие его ножа оказалось очень тупым. Счастье, что он еще не получил заражения крови.

Как только Дампир смог встать на ноги, он опять

пустился в путь. Дружески к нему расположившийся ост-индский купец, капитан Уэлдон, предложил Дампиру командование кораблем, если он согласится плыть в Тонкин. Дампир согласился и отправился в плавание. Он прошел через Малаккский пролив, миновал Сингапур, в то время безлюдный остров, на который никто не обращал внимания.

Записки о плавании в Тонкин и обратно не вошли в «Новое путешествие вокруг света», поскольку книга была и так достаточно объемистая. Но после того как книга имела большой успех у читательской публики, издатель Дампира попросил его написать дополнительный том, куда и вошли эти записки, написанные очень ярко. Путешествие в Тонкин было очень интересным для Дампира; он увидел много нового для себя в этой древней стране.

Там Дампир случайно встретил некоего Эдварда Бэрлоу, который служил помощником капитана на судне «Рейнбоу» («Радуга»), возвращавшемся в Англию. Дампир отдал Бэрлоу пакет, в котором находилась часть дневника Свана, чтобы владельцы «Сигнита» узнали, что случилось с их капитаном и кораблем. Но Дампир больше никогда не слышал об этом пакете, потому что, как потом стало известно из опубликованного дневника Бэрлоу, он потерял ящик, где находились эти бумаги.

Дампир вернулся в Аче в марте 1689 г. В течение нескольких недель он был сильно болен, а когда поправился, совершил короткое плавание в Малакку с контрабандным грузом опиума. Затем Дампир плавал в Мадрас, а вернувшись, устроился главным пушкарем в форт, принадлежавший фактории Ост-Индской компании в Бенкулу на западном побережье Суматры. Это нетрудно было сделать, ибо вследствие губительного для европейцев климата почти все солдаты гарнизона умерли. Вступив в должность, Дампир разработал детальный план перестройки форта на случай обострения в дальнейшем отношений с голландцами. Но постоянно пьянствовавшего губернатора форта этот план не заинтересовал.

Шел 1690 год. Дампир уже 12 лет находился в путешествии. Надо было возвращаться на родину. Все, что имел Дампир, — это его дневник, спрятанный в бамбуковую палку, и «раскрашенный принц» — мальчик-раб по имени Джоли, которого ему подарил какой-то знакомый капитан. Джоли был редкой находкой, так как был

татуирован с головы до ног причудливыми геометрическими изображениями, «очень курьезными, с нескончаемыми вариациями линий, красочная работа, очень искусная, даже удивительная, особенно на лопатках», — писал Дампир. Дампир собирался зарабатывать на мальчишке деньги, демонстрируя его в Англии, если только сумеет благополучно довести «раскрашенного принца» до Лондона.

Проблемой было как им обоим удрать из Бенкулу. Некий капитан Хит согласился взять их на корабль, но губернатор не желал отпускать опытного пушкаря. Но уже ничто не могло остановить Дампира в его желании вернуться домой. Узнав, что корабль готовится к отплытию, Дампир и Джоли под покровом темноты выползли через отверстие для пушки в стене форта, сели в лодку, находившуюся у берега, и приплыли к кораблю. «Я захватил, — пишет Дампир, — дневник и большинство своих бумаг, но некоторые бумаги и книги я оставил в крепости, а также всю свою мебель» (непонятно, что Дампир имел в виду: какая мебель у этого вечного скитальца!).

Всякий, кто провел какое-то время в Бенкулу, заболел либо дизентерией, либо тифом. Поэтому в течение всего пути через Индийский океан Дампир и все, кто был на борту корабля, непрерывно болели. Они так ослабели, что не могли встать на якорь в Кейптауне. За них это сделали голландцы, которые жили там и хорошо зарабатывали, оказывая подобные услуги измученным плаванием или болезнями командам заходивших в порт кораблей, а также поврежденным судам.

Дампир был очень болен, но когда поправился, немедленно отправился знакомиться с неизвестным ему местом. Он принял участие в короткой экспедиции на север от Кейптауна, в район, населенный готтентотами, находившимися почти на том же уровне развития, что и австралийские аборигены, но в отличие от последних уже обращенных здесь в рабство. Их жилища были самыми убогими из тех, что приходилось видеть Дампиру: жалкие хижины высотой примерно в 3 м, крытые хворостом и тростником, похожие на копны соломы. «Они оставляли лишь небольшое отверстие высотой в 3—4 фута, через которое вползали и выползали, — писал Дампир. — Но когда ветер дул в этот выход, его закрывали и делали другой, на противоположной стороне. Они разводили

огонь посередине помещения, и дым выходил из щелей во всех частях жилища. У них не было постелей, они лежались на ночь прямо у огня...»

Человек своего времени, Дампир принимал как само собой разумеющееся, что пришедшие в эти края голландцы обратили в рабство коренное население. Он высокомерно говорит о готтентотах как о «больших лентях», третирует их как полулюдей, но зато восхищается вином, которое уже начали производить голландцы на плантациях, где в ужасающих условиях трудилось закабаленное ими коренное население. На голландских плантациях работали и рабы, привезенные из других частей Африки. Заезжие европейцы, по словам Дампира, свободно разгуливали там, сопровождаемые слугами, «покидавшими вас лишь затем, чтобы предложить попробовать тот или иной фрукт». Главным из них был виноград, который «прижился очень хорошо и урожай его в последние годы были столь большими, что началось производство вина, которого они имеют достаточно для того, чтобы и удовлетворять свои потребности, и продавать в больших количествах на заходящие туда корабли. Их вино похоже на белое французское, но бледно-желтого цвета. Оно очень сладкое, очень приятное и крепкое»¹⁸.

В столь благоприятных для европейцев условиях голландской колонии команда корабля капитана Хита быстро поправлялась. Из Кейптауна Хит повел свое судно в Англию, сделав лишь одну остановку на острове Святой Елены, чтобы пополнить запасы воды. 16 сентября 1691 г. корабль бросил якорь у берегов Англии. Так закончилось первое кругосветное плавание Дампира, растянувшееся на двенадцать с половиной лет.

Глава 3

В НОВУЮ ГОЛЛАНДИЮ

Появившись в Лондоне без гроша в кармане, Дампир, как и намеревался, сразу же договорился с деловыми людьми об организации показов «раскрашенного принца». Было выпущено следующее объявление: «Это очаровательное существо будет демонстрироваться публике

каждый день, пока будет находиться в городе, с 16 июня в Блу-Боос-Хед на Флит-Стрит, недалеко от Уотер-Лайн... Но, если досточтимые джентльмены и леди выразят желание увидеть это удивительное существо у себя дома или в каком-либо другом удобном для них месте в пределах или за пределами Лондона, то пусть они известят об этом, он будет ждать их в карете в любой час, который они назначат, но только в дневное время»¹.

Но здоровье Джоли не позволило долго его эксплуатировать. Через несколько месяцев он умер в Оксфорде.

Не сохранилось никаких сведений о жизни Дампира в следующие пять лет. Возможно, он провел их на ферме своего брата Джорджа. Может быть, он совершал короткие плавания на европейский континент, чтобы заработать деньги на жизнь.

Сведения о Дампире появляются лишь в 1697 г., когда были опубликованы его дневники под заголовком «Новое путешествие вокруг света». Его издатель Джеймс Нептон, воодушевленный успехом книги, опубликовал дневники еще нескольких буканьеров, таких, как Лионель Уофер, Уильям Коули, Бартоломей Шарп, открыв, таким образом, путь изданию литературы о путешествиях, получившей огромную популярность в последующие столетия.

Дампир, очевидно, потратил много времени и труда на подготовку своих дневников к печати, судя по бесконечным дополнениям и исправлениям, которые он делал в рукописи, находящейся сейчас в Британском музее. Но даже и эта рукопись не является той окончательной, которая была передана издателю. Рукопись была, конечно, его собственным произведением, хотя Дампир признавался, что просил друзей помочь ему выправить стиль.

В предисловии он предупреждал читателей не ждать от него невероятных историй, фантастических рассказов, поскольку его цель чисто научная — «искреннее желание показать полезность знаний и всего того, что может способствовать благополучию моей страны».

Прося прощения за свою «самоуверенность незнакомца», Дампир посвятил книгу президенту Королевского общества. Это не осталось без благоприятных для Дампира последствий. Книга вышла в феврале 1697 г., а в середине лета Дампир уже получил должность в таможне.

A
New Voyage
ROUND THE
WORLD

Describing particularly,

The *Isthmus of America*, several Coasts and Islands in the *West Indies*, the Isles of *Cape Verd*, the Passage by *Terra del Fuego*, the South Sea Coasts of *Chili*, *Peru*, and *Mexico*; the Isle of *Guam* one of the *Ladrones*, *Mindanao*, and other *Philippine* and *East India* Islands near *Cambodia*, *China*, *Formosa*, *Luconia*, *Celebes*, &c. *New Holland*, *Sumatra*, *Nicobar* Isles; the *Cape of Good Hope*, and *Santa Hellena*.

THEIR
Soil, Rivers, Harbours, Plants, Fruits, Animals, and Inhabitants.

THEIR
Customs, Religion, Government, Trade, &c.

By *William Dampier*.

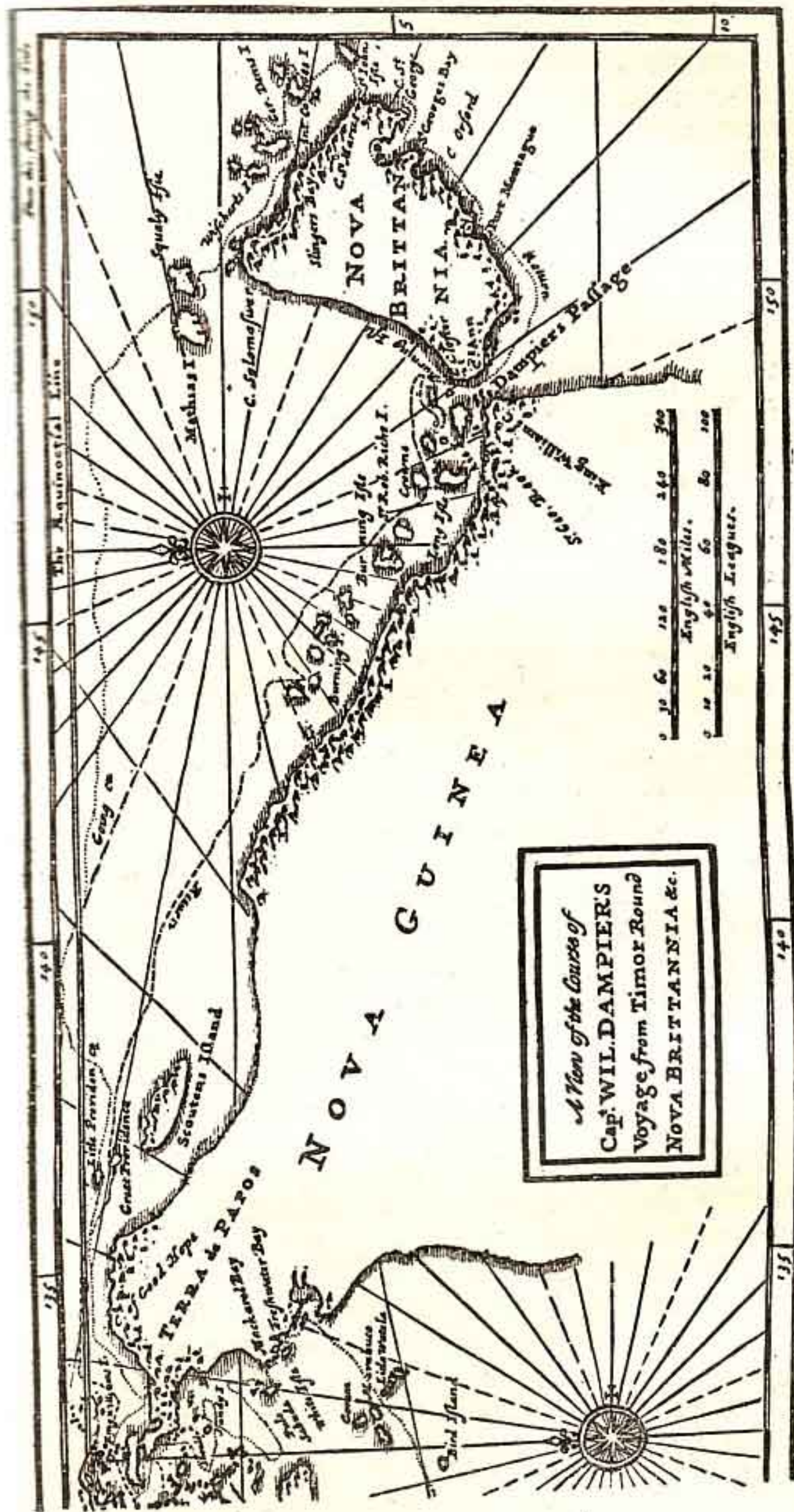
Illustrated with Particular Maps and Draughts.

LONDON,
Printed for *James Knapton*, at the Crown in *St Paul's Church-yard*. MDCXCVII.

Его стали также приглашать в Совет по торговле и предпринимательству, поскольку его книга свидетельствовала о познаниях в заморской торговле и организации плантаций. Так, в июле 1697 г. он вместе с Уоффером был вызван на заседание совета, рассматривавшего предложение шотландской Ост-Индской компании, которую возглавлял Уильям Петерсон, о создании колонии на острове около атлантического побережья Панамского перешейка. Совет просил дать описание Панамского перешейка. Это описание впоследствии было опубликовано. Они должны были также высказать мнение о возможности создания там британского поселения, численность которого определялась в 500 человек. Дампир выступил в поддержку проекта шотландской Ост-Индской компании. В дальнейшем попытка создать это поселение окончилась неудачей: колонисты с Британских островов не имели закалки знакомых Дампиру буканьеров; не выдержав непривычного для них климата, они сбежали оттуда. В то время реализация подобных планов, как правило, оканчивалась неудачей.

Дампир привлекался советом и как эксперт в вопросах пиратства и борьбы с ним. Так, в сентябре 1698 г. он консультировал совет относительно выбора наилучшего маршрута для эскадры военных кораблей, посылаемых для борьбы с пиратами к востоку от мыса Доброй Надежды, в район Мадагаскара. Успех книги открыл Дампиру двери домов высокопоставленных людей. Так, в августе 1698 г. он обедал вместе с секретарем Адмиралтейства Самуэлем Пеписом в доме писателя Джона Эвелина. В этом доме, кстати сказать, незадолго до того останавливался Петр I во время поездки в Англию.

Д. Эвелин потом писал о капитане Дампире, «который был знаменитым буканьером, привез сюда раскрашенного принца Джоли и напечатал описание своих очень необычных приключений и наблюдений. Теперь он опять собирается в плавание при поддержке короля, который снарядил корабль водоизмещением 290 т. Он производит впечатление более скромного человека, чем можно было бы вообразить, учитывая среду, к которой он принадлежал. Он принес карту направлений ветров в Южных морях, составленную по его наблюдениям, и уверял нас, что подобные карты, до сих пор существовавшие, все были неправильными в части, относящейся к Тихому океану»².

Карта островов Новая Гвинея и Новая Британия, составленная У. Дампиром

Другим выдающимся знакомым Дампира был Г. Слоан, преемник И. Ньютона на посту секретаря Королевского общества. Молодым человеком Слоан отправился на Ямайку в качестве врача. Там он имел возможность познакомиться с деятельностью буканьеров. Впоследствии он покупал рукописи дневников буканьеров, в том числе и Дампира, и отдал их в дар Британскому музею, что положило начало интереснейшей коллекции, хранящейся там до сих пор. Вероятно, тот же Слоан предложил Томасу Муррею написать портрет Дампира, находящийся сейчас в Национальной галерее.

Книга Дампира произвела сильное впечатление на Джонатана Свифта. Он читал и следующую книгу Дампира о путешествии в Новую Голландию и черпал оттуда материал для описания плавания своего капитана Гулливера. Книга о Гулливере появилась в 1726 г., но Свифт начал работу над ней много раньше. Интересно, что Лемюэль Гулливер упоминает о родстве с «кузеном Дампиром». Вымышленные карты, помещенные Свифтом в книге о Гулливере, даны совершенно очевидно по образцу карт из книг Дампира. Так, Лилипутия показана к югу от Суматры и названа как «открытая в 1699 г.», вскоре после того, как Дампир побывал в этих краях на «Сигните». Аналогично земля Гуиггггмов расположена к югу от Австралии. Можно также добавить, что во время четвертого плавания Гулливера, когда он попадает на этот остров, он видит интеллектуальных лошадей — гуиггггмов и звероподобные человеческие существа — йеху, которые напоминают австралийских аборигенов в описании Дампира. Капитан Покок, с которым Гулливер совершал это плавание, наделен чертами Дампира. Свифт пишет, что «этот капитан был славный малый и хороший моряк, но отличался некоторым упрямством в своих мнениях и этот недостаток погубил его, как он погубил уже многих других»³. Здесь Свифт намекал на удаление Дампира из королевского флота после плавания на «Роубаке», о чем речь пойдет ниже.

Свифт использовал описания Дампиром людей, стоявших на низшей ступени развития, для создания своей великой сатиры на современное ему английское общество. В четвертой части «Путешествия Гулливера» он бичевал зарождавшийся тогда колониализм британской буржуазии, роль в этом позорном деле людей, подобных Дампиру: «Буря несет шайку пиратов в неизвестном им

заправлении; наконец юнга открывает с верхушки мачты землю; пираты выходят на берег, чтобы заняться грабежом и разбойничеством; они находят безобидное население, оказывающее им хороший прием; дают стране новое название, именем короля завладевают ею, водружают гнилую доску или камень в качестве памятного знака, убивают две или три дюжины туземцев, насильно забирают на корабль несколько человек в качестве образца, возвращаются на родину и получают прощение. Так возникает новая колония, приобретенная по божественному праву. При первой возможности туда посылают корабли; туземцы либо изгоняются, либо истребляются, вожди их подвергаются пыткам, чтобы принудить их выдать свое золото; открыта полная свобода для совершения любых бесчеловечных поступков, для любого распутства, земля обгащается кровью своих сынов. И эта гнусная шайка мясников, занимающаяся столь благочестивыми делами, образует современную колонию, отправленную для обращения в христианство и насаждения цивилизации среди дикарей-идолопоклонников»⁴.

Успех первой книги Дампира, как уже указывалось, побудил издателей подготовить приложения к ней, содержащие материалы, не вошедшие в книгу. Так появился новый том «Приложение к путешествию вокруг света», опубликованный под названием «Путешествия и открытия».

Книга эта вышла, когда Дампир был опять в плавании, но на этот раз как капитан корабля королевского военно-морского флота, а не как буканьер или приватир. Президент Королевского общества представил Дампира графу Оксфорду, первому лорду Адмиралтейства, и тот довольно неожиданно благосклонно выслушал предложение Дампира об организации плавания с исследовательскими целями к берегам Новой Голландии и Новой Гвинеи. Дампир предложил этот маршрут не только потому, что первым из англичан увидел восемь лет назад берега Австралии, но еще и потому, что этот район был вдали от земель, где господствовали враждебные Англии державы — Франция и Голландия. Дампир прекрасно понимал всю сложность плавания в этой неизученной части земного шара, о которой ходили среди моряков фантастические рассказы.

Оставалось неизвестным, является Новая Голландия частью Новой Гвинеи или отделенной от нее землей, где

находится в действительности таинственная Южная Земля, обычно расположенная на картах того времени у южной оконечности нашей планеты и занимавшая почти всю южную часть Атлантического и Тихого океанов; населяют ли ее в самом деле монстры человеческой породы, головы которых шире плечей, а пятки столь огромны, что они закрываются ими, как зонтиками, если заснут на солнце. «Поэтому,— писал Дампир,— если я буду привлечен к экспедиции подобного рода, я бы желал получить полномочия, не ограниченные во времени и пространстве». Он просил выделить ему два судна и опытные команды. Что касается маршрута плавания, то Дампир предполагал идти через мыс Доброй Надежды к западным берегам Новой Голландии и к северному побережью Новой Гвинеи, а затем посмотреть, что находится к востоку, т. е. фактически повторить путь Тасмана в обратном направлении.

Предложения Дампира были одобрены Адмиралтейством. В инструкциях, утвержденных Адмиралтейством 30 ноября 1698 г., ему предписывалось идти к Новой Голландии, а затем к Новой Гвинее и Южной Земле или «избрать любой другой курс». Дампир обязывался доставить в Англию образчики флоры неизвестных земель, а также представителей местного населения, «если они согласятся на это добровольно». Дампир наделялся властью карать за мятежные настроения любого члена экипажа и должен был вести подробный журнал плавания.

Дампир не получил двух судов для экспедиции. Сначала ему предложили «Джолли Прайс», который он нашел «совершенно непригодным» для предстоящего плавания. Тогда ему дали «Роубак» («Косуля»), судно водоизмещением 292 т, 96 футов длиной и 25 футов шириной, с 12 орудиями и экипажем в 50 человек. Корабль был построен в 1690 г., сравнительно недавно, но так плохо, что «на вид, казалось, имел почтенный возраст». Все лето Дампир провел в Дертфорде, наблюдая за подготовкой корабля к плаванию. В качестве капитана он появился на борту судна 6 октября 1698 г.

Королевская служба давала респектабельность и обеспеченность, но долголетнее буканьерство не могло пройти бесследно для Дампира, оно сформировало его характер, не изменившийся и после того, как он поступил на королевскую службу. Выше уже упоминалось о Бартоломее Шарпе, бросившем почтенную службу в военно-

морском флоте и вновь приставшем к буханьерской вольнице. Будущая судьба Дампира показала, что и он в душе продолжал оставаться все тем же «морским скитальцем».

Следует также сказать, что само понятие офицера военно-морского флота в современном его значении в те годы только начало складываться. Список офицеров английского военно-морского флота был впервые опубликован лишь вскоре после начала нового плавания Дампира. Флот жил традициями таких знаменитых людей, как Фрэнсис Дрейк и Роберт Блейк, первый из которых почти всю свою жизнь провел пиратом, а второй был сухопутным офицером, посланным в море. Странные и совершенно неожиданные личности появлялись в королевском военно-морском флоте во времена Дампира. Так, Титус Отс служил корабельным священником и в то же время более умело, чем кто-либо из буханьеров, командовал кораблем, который использовал в пиратских целях. Неудивительно поэтому, что и Дампиру было доверено командовать кораблем королевского военно-морского флота. Но посланный в плавание с исследовательскими целями на непригодном для этого судне, с неопытной командой, руководимой офицерами, косо смотревшими на буханьерское прошлое своего капитана, Дампир должен был показать образец высокой дисциплинированности и другие качества, связывающиеся с традиционным образом морского офицера, которыми он, по всей вероятности, не обладал.

Третья и последняя книга Дампира, представлявшая собой отчет о плавании в Новую Голландию, вышедшая в свет двумя частями в 1703 и 1709 гг., показала, что Дампира больше интересовала естественная история, чем искусство командира. Его книга содержала превосходные описания увиденной в дальних землях флоры и фауны, более точные, чем неумелые зарисовки, которыми художник, принимавший участие в плавании, иллюстрировал книгу. Она была насыщена важнейшими навигационными данными, которые в дальнейшем использовали другие мореплаватели и опираясь на которые капитан Филипп Картерет, например, смог сделать через столетие дальнейшие открытия в Ост-Индии. Но в книге почти отсутствовал, так сказать, человеческий материал: сведения биографического характера были крайне скудными, почти ничего не говорилось об офицерах и матросах экипажа корабля, его отношениях с ними. К тому же в книге не

было той яркости и сочности описаний, которые были характерны для его первой книги.

Итак, 4 января 1699 г. Дампир начал свое плавание к берегам Новой Голландии.

Парадоксально, но факт, что Австралийский континент, по площади почти равный Соединенным Штатам Америки (без Аляски), был открыт европейцами позже мелких островных групп Океании, хотя существование Южной Земли, или Terra Australis, не вызывало сомнений еще в античные времена.

Когда испанцы утвердились в Америке, они, возбуждаемые легендами инков о богатейшей земле, расположенной в южной части Великого океана, стали посылать туда свои корабли. Экспедиции А. де Менданы в 1567 и 1595 гг., П. де Кироса в 1605 г. открыли новые земли, но не материк, а небольшие архипелаги: Соломоновы и Маркизские острова, Новые Гебриды.

Один из кораблей Кироса, которым командовал Л. де Торрес, на обратном пути под действием муссонов отклонился к юго-западу и, обойдя Большой Барьерный риф, прошел через пролив, отделявший Новую Гвинею от Австралии и названный впоследствии его именем.

Но к австралийскому матерiku первыми из европейцев подошли не испанцы или португальцы, господствовавшие на протяжении XV—XVI вв. на Тихом океане, а голландцы. Случилось это в начале XVII столетия.

К этому времени голландцы и англичане покончили с морским господством Португалии и Испании, в том числе и в Тихом океане. К началу 70-х годов XVI в. в руках Португалии из всех азиатских колоний остались Гоа, Даман и Диу в Индии и Макао в Китае. Власть Испании в Юго-Восточной Азии и Океании распространялась к тому времени лишь на Филиппины и острова Микронезии.

В 1595 г. была организована первая голландская экспедиция в Индию в составе четырех судов. Голландцы потеряли половину кораблей и третью часть экипажей, но убедились, что возможно достичь берегов Индии. В 1598 г. в Индию отправилась вторая экспедиция, состоящая из семи судов. Она прошла с большим успехом: все корабли возвратились с богатым грузом пряностей. В том же году голландцы закрепились на острове Ява, создали там торговые фактории, опираясь на которые они постепенно монополизировали торговлю со странами Южной и

Юго-Восточной Азии, а также Дальнего Востока. В 1601 г. в Индию отправились уже 40 голландских кораблей.

Убедившись в доходности таких предприятий, голландские купцы в марте 1602 г. создали общество по торговле с Индией — нидерландскую Ост-Индскую торговую компанию. Компания получила такие права и привилегии, что стала своего рода государством в государстве. Она не только монопольно торговала с Индией, но и имела право назначать чиновников в эту страну, вести войну и заключать мир, чеканить монету, строить города и крепости, образовывать колонии. Капитал компании был огромен по масштабам того времени. Если британская Ост-Индская компания начала свою деятельность в 1600 г. с капиталом 2 тыс. ф. ст., что равнялось 864 тыс. гульденов, то капитал нидерландской Ост-Индской компании при создании составил 6,6 млн. гульденов.

С первых же шагов своей деятельности нидерландская Ост-Индская компания энергично занялась поисками Южной Земли. Один из кораблей компании, ведомый капитаном В. Янсзоном, обогнул с юга Новую Гвинею и достиг побережья Австралии у полуострова, называемого сейчас Кейп-Йорк. Матросы, высадившиеся на берег в поисках воды и пищи, были убиты местными жителями. Янсзон поспешил уйти от этих негостеприимных берегов и в июне 1606 г. вернулся в Батавию (современное название — Джакарта).

Судовой журнал экспедиции, руководимой В. Янсзоном, не сохранился. Совершенно очевидно, что сообщение капитана об открытой земле не было воодушевляющим. В книгах Ост-Индской компании есть краткая, но весьма выразительная запись: «Ничего хорошего не может быть там сделано». В последующие полстолетия эта фраза не раз повторялась руководителями компании.

Голландские моряки стали ходить в свои владения в Юго-Восточной Азии несколько иным путем, чем португальцы и испанцы, корабли которых плыли от мыса Доброй Надежды вдоль берегов Африки до самого экватора, а потом уже на восток. Голландцы избрали более короткий маршрут. В 1611 г. капитан Х. Броуэр, пройдя 4 тыс. миль на восток от мыса Доброй Надежды, затем повернул на север, что сократило время перехода из Голландии в Батавию с 18 месяцев до шести.

Директорат Ост-Индской компании в Амстердаме офи-

циально утвердил данный курс для своих кораблей. Это помогло голландцам обнаружить Австралию и исследовать ее западное и северо-западное побережья. Отзывы голландских моряков о новой земле были обескураживающими.

В 1623 г. голландский корабль под командованием Я. Карстенса, повторив маршрут Янсзона, вошел в большой залив на северном побережье Австралии. Карстенс назвал его заливом Карпентария в честь тогдашнего генерал-губернатора нидерландской Ост-Индии П. де Карпентера. В отчете о плавании капитан писал: «Мы не видели ни одного плодоносящего дерева, ничего такого, что человек мог бы использовать для себя... Жители — жалкие и бедные существа...».

В 1636 г. генерал-губернатором Батавии стал А. Ван Димен, который стремился к расширению владений Нидерландов в Южных морях. Его целеустремленность и упорство очень ценились и поощрялись руководством нидерландской Ост-Индской компании. 16 сентября 1638 г. совет директоров компании писал Ван Димену: «Ваша милость действует мудро, уделяя большое внимание открытию Южной Земли и золотоносных островов, которые были бы весьма полезны компании». По приказу Ван Димена два корабля под командованием капитана А. Тасмана в августе 1642 г. покинули Батавию и отправились исследовать «оставшуюся неизвестной часть земного шара».

Плывя на юго-восток от острова Маврикий, экспедиция достигла неизвестного острова, который получил название Земли Ван Димена (современное название — Тасмания). Продолжая плавание, Тасман подошел к берегам Новой Зеландии, приняв ее за Terra Australis. На следующий год Тасман исследовал северную часть Австралийского материка, но не нашел там ничего привлекательного для Ост-Индской компании, прежде всего золота и серебра. В результате компания утратила интерес к дальнейшему исследованию Южных морей.

Что касается Новой Гвинеи, то первые посещения острова европейцами относятся к началу XVI в. Первым европейцем, высадившимся на Новой Гвинее, был португалец Менезиш. Это произошло в 1526 г. Он назвал увиденную им землю Папуа (от малайского названия «Оранг папуа», что означает «курчавый черноголовый человек»),

Начиная с 20-х годов XVI в. у острова побывало еще несколько испанских капитанов. Один из них, де Ретес, найдя сходство в конфигурации его берегов с очертаниями гвинейского побережья в Африке, дал ему название Новая Гвинея. В 1606 г. капитан Луис де Торрес, обойдя остров с востока, приблизился к его западному берегу. Он первым прошел пролив, отделяющий Новую Гвинею от Австралии. Де Торрес объявил остров собственностью испанской короны, но эта его акция не была поддержана правительством Испании.

С начала XVII в. в водах Новой Гвинеи появились голландские корабли. В 1606 г. В. Янсзон посетил южный берег острова: в 1616 г. Я. Ле-Мер и В. Схаутен прошли вдоль северного берега. Капитаны Я. Карстенс и А. Тасман нанесли на карту часть новогвинейской береговой линии.

Переписка Дампира с Адмиралтейством показывает, что до начала плавания он совершенно не обращал внимания на состав команды. Это было его большой ошибкой. С началом экспедиции он был неприятно поражен низкой квалификацией своих людей. Его штурман в первую же ночь плавания чуть не разбил корабль о французский берег. Позднее он часто напивался до того, что не мог стоять. Корабельный плотник показал свою полную неспособность к работе. К тому же первый помощник Дампира, Джордж Фишер, стал выступать против него еще до того, как корабль ушел в море.

Что происходило во время плавания «Роубака» в Атлантическом океане ярко показывают документы, представленные как свидетельские показания в суд, который ожидал Дампира по его возвращении.

С самого начала Дампир заподозрил заговор против себя и был убежден, что его помощник на стороне заговорщиков. Фишер уже служил на нескольких кораблях королевского военно-морского флота. Он открыто выражал недовольство судьбой, пославшей ему в начальники бывшего буканьера. Фишера глубоко оскорбляли такие грубые высказывания о нем Дампира, как «бог проклял этого старого негодяя», с добавлением еще более крепких слов. Фишер также заявлял, что Дампир отменял во многих случаях его распоряжения. Например, Дампир отменил распоряжение выпороть матроса, не выполнившего приказание Фишера. Он назначил матросу очень легкое наказание. Фишер квалифицировал это действие

Дампира как «наглядный пример» его некомпетентности, не упускал случая указать капитану, что тот ничего не понимает в обычаях службы в королевском флоте.

В Тенерифе на Канарских островах Фишер приказал выдать пиво. Казначей корабля пригрозил «проломить ему голову», если это будет сделано. Все это происходило в присутствии Дампира, который никак не реагировал на происходившее. Фишер же заявил, что если Дампир не поддержит его в случае грубого невыполнения егоказания подчиненным, то «это может иметь плохие последствия».

Вскоре Дампир упрекнул Фишера за избиение юнги. Фишер ответил, что он действовал вполне законно. Тогда Дампир угрожал заковать его в кандалы, если тот посмеет еще раз сделать нечто подобное.

Однажды вечером за кружкой пунша разговор зашел о пиратстве и приватирстве. Дампир принялся расхваливать жизнь буканьеров, говорил, что не может себе представить лучшей жизни. На это Фишер заявил, что его удивляют слова Дампира, ибо он полагает, что нет лучшей доли, чем служить на корабле королевского флота, а в пиратской жизни нет ничего ни приятного, ни честного. Тогда Дампир потребовал, что Фишер объяснил, что он понимает под словом пиратство, поскольку рассматривает его высказывание как личное оскорбление. Разговор принял опасный оборот. Дампир откровенно заявил, что если он встретит кого-либо из людей того сорта, то не допустит, чтобы хоть один волос упал с их голов. На это Фишер отвечал, что Дампиру как капитану королевского флота, действующему по указаниям Адмиралтейства, не подобает так говорить, а наоборот, следовало бы прилагать все усилия, чтобы поймать подобного рода преступников.

Подобные стычки капитана со своим помощником были часты. Совершенно очевидно, что похвалы, расточаемые Дампиром пиратам, рождали у Фишера опасения, что капитан кончит тем, что примкнет к морским разбойникам. Его укрепляло в этом распространившееся среди команды мнение, что Дампир «стал совершенно иным человеком, как только попал на другую сторону линии раздела».

Когда «Роубак» подходил к берегам Бразилии, нервы Дампира были напряжены до предела. Он решил спать на палубе, держа пистолет рядом с собой. Еще до того

как Дампир отправился в плавание, королевский астроном Флемстед, заинтересованный в проведении метеорологических наблюдений, которые обещал сделать Дампир, предупредил его, что команда может восстать, когда корабль будет на другой стороне Атлантического океана. Команды многих капитанов, совершавших кругосветные путешествия, так поступали. Известно, что Дрейк казнил своего помощника у берегов Патагонии, обвинив в заговоре против него. Дампир знал, что команда озлоблена плохим питанием и страшится плавания в неизвестных морях. Он подозревал, что Фишер своими разговорами, направленными против него, разжигает недовольство экипажа. Он помнил, что инструкция Адмиралтейства обязывала его пресекать всякую крамолу на борту корабля.

Ссора между капитаном и его помощником все усиливалась. Взрыв произошел, когда Фишер распорядился открыть бочку с пивом, не спросив Дампира, а тот, узнав об этом, запретил. Тогда Фишер набросился на Дампира с проклятиями, называя его, как показывал на суде один из свидетелей, «старым негодяем и жуликом», и «призывал моряков к бунту... И поскольку он не успокаивался, а продолжал ругать капитана, он был, наконец, заперт в своей каюте». Но все происходило не совсем так. Дампир сделал непоправимую ошибку: он потерял контроль над собой, бросившись на Фишера с тростью. Он погнался за Фишером на полубак, где и запер его в каюте. Оттуда Фишер, как он объяснял суду, слушал громкую брань капитана и угрозы расправиться с ним самому, без всякого Адмиралтейства.

Затем Дампир собрал команду на палубе корабля и спросил, намерены ли они бунтовать. Получив заверения, что подобная мысль никогда даже не приходила им в голову, Дампир сказал команде, что знает об их нуждах, о том, что им нечего есть и пить, но он позаботится о них, как отец. Во время речи капитана продолжали раздаваться крики запертого в каюте Фишера, который поносил Дампира и предупреждал команду не верить его словам.

В течение следующих трех недель, до тех пор пока «Роубак» не подошел к бразильскому берегу, Фишер оставался в своей каюте в кандалах. Сойдя на берег, Дампир попросил португальского губернатора поместить Фишера в местную тюрьму, пока обстоятельства не позволят отправить его в Англию. Фишер был доставлен на

сушу в кандалах под охраной. Он провел в тюрьме три месяца. При этом Дампир не оставил Фишеру ни пенни, хотя и послал ему слугу и немного продовольствия. Об этом ни слова не говорится в книге Дампира о путешествии. Там есть лишь упоминание об «упрямстве, недовольстве и непослушании некоторых моих людей» и намеки на их боязнь длительного плавания. Это «обоснованно заставляло меня, — пишет Дампир, — подозревать их в намерении поднять мятеж». В книге ничего не говорится о конфликте с Фишером, приведшем в конце концов к краху карьеры Дампира как офицера королевского флота. Поступая с Фишером подобным образом, он прекрасно понимал, что ответит за это по возвращении на родину, но никогда не сожалел о содеянном. Отправив Фишера в тюрьму, он послал отчет о плавании в Адмиралтейство, в котором писал, что все идет хорошо, за исключением того, что «я ежедневно подвергался оскорблениям со стороны моего лейтенанта Джорджа Фишера...». «Когда же поведение Фишера стало совсем невыносимым, — продолжал Дампир, — то я пригрозил ему тростью, которая была тогда в моих руках, на что он, повернувшись ко мне, назвал меня старой собакой, старым негодяем и заявил моим людям: «Джентльмены, схватите эту старую пиратскую собаку, ибо он намерен убежать с вами и королевским судном». Поэтому он был посажен под арест, «чтобы не дать ему возможности вызвать бунт на корабле»⁵.

После инцидента с Фишером Дампир стал спокойнее и целиком сосредоточился на задачах экспедиции. Он дал команде отдохнуть, принял меры к обеспечению корабля продовольствием и водой на длительное плавание. «Роубак» вновь пересек Атлантический океан, прошел мимо мыса Доброй Надежды и направился к берегам Новой Голландии. Преодолев 7 тыс. миль, корабль подходил к западному берегу Австралии около Дирк-Хартогс-Пойнт, места, названного так в честь голландского моряка, вышедшего здесь на берег в 1616 г. и оставившего там медную плиту, надпись на которой объявляла эту землю владением Нидерландов.

1 августа 1699 г. англичане были уже у берега, но не могли найти подходящего места для стоянки корабля, пока не обнаружили глубокий залив, названный Дампиром заливом Шарка. Команда была измучена непрерывным трехмесячным плаванием, вода подходила к концу.

Но Дампир решил не высаживаться на сушу: перед ним была бесплодная пустыня, где не было и следов необходимой ему воды. Он повел свой корабль на север. Если бы Дампир повернул на юг, то вскоре увидел бы богатные места в районе современного Перта, где нашел бы все необходимое. Но его решение было вполне объяснимо: он знал, что найдет на северо-западном побережье Новой Голландии, где до этого побывал на корабле капитана Рида, а что он мог встретить, идя на юг, было совершенно неизвестно. Поэтому «Роубак» шел на север мимо унылых берегов, пока не достиг местности, называемой сейчас Землей Дампира. Недалеко отсюда было место первой высадки Дампира на австралийском берегу в районе архипелага Буканьеров. Наконец была найдена свежая вода. Как и во время первого посещения Австралии, Дампир увидел стоявших вдалеке аборигенов: высоких чернокожих людей, тела которых были разрисованы белыми кругами. Как и тогда, вид их вызывал в нем неприязнь. «Все они,— писал Дампир позднее,— имели неприятный вид и были самыми безобразными из людей, которых я когда-либо видел, хотя я видел великое множество дикарей»⁶.

В его книге о путешествии в Новую Голландию есть рассказ о попытке поймать кого-нибудь из коренных жителей: «Прыткий молодой человек, бывший со мной, видя их вблизи, побежал за ними, и они тут же бросились бежать от него. У него был меч, а у них — деревянные копья. Их было много, и ему пришлось туго. Вначале, когда он побежал за ними, я погнался за двумя другими, находившимися у берега, но, понимая, что может случиться с молодым человеком, быстро повернул обратно, взобрался на вершину песчаного холма и увидел его недалеко от себя, окруженного ими. Увидя меня, один из них бросил копье, пролетевшее рядом со мной. Я выстрелил, чтобы только испугать их, не намереваясь убить кого-нибудь... Хотя выстрел сперва и испугал их немного, но они скоро успокоились и, вскидывая руки, презрительно крича «пу, пу, пу», подступили к нам снова. Я понял, что надо действовать решительно, и выстрелил в одного из них. Остальные, видя, что он упал, отступили, и молодой человек получил возможность вырваться и прибежать ко мне. Другой человек, который также был со мной, ничем не мог помочь, поскольку у него не было оружия. Я возвратился с моими людьми, оставив попыт-

ку захватить кого-либо из туземцев, будучи огорчен тем, что случилось. Туземцы взяли с собой раненого товарища. А мой молодой человек, который был ранен копьем в щеку, очень боялся, что копье было отравлено, но я так не думал. Его рана была очень болезненна, так как была нанесена тупым оружием, но он скоро выздоровел»⁷.

Пять недель пробыли англичане на австралийском берегу, «не очень привлекательном», как писал Дампир. Затем «Роубак» пошел к Тимору.

Гористый остров предстал перед англичанами на рассвете 11 сентября. Западная его половина принадлежала голландцам, восточная — португальцам. «Роубак» подошел к западному берегу, и англичан встретил весьма подозрительно настроенный командир голландского гарнизона. В этот район, где проходили важнейшие морские пути, иностранные корабли заходили обычно с целью пиратства. За два года до прихода «Роубака» здесь побывало французское пиратское судно, нанесшее серьезный ущерб.

Больших усилий стоило Дампиру добиться разрешения отправить к берегу лодку, чтобы взять питьевую воду. Это ему удалось сделать лишь после того, как он убедил голландцев, что его корабль принадлежит к королевскому флоту и что Англия и Голландия являются теперь союзниками в войне против Франции.

Один из офицеров «Роубака», посланный Дампиром на берег, сознательно постарался ухудшить отношения с голландцами, чтобы вынудить своего капитана прекратить опасное исследовательское плавание и повернуть к Яве. Когда Дампир узнал об этом, то приказал плыть к восточной части острова, где встретил более дружественный прием у португальского губернатора. Команде было разрешено сойти на берег для отдыха.

В это время Дампира гораздо больше беспокоило не здоровье экипажа, а состояние его судна. В тропических водах днища деревянных кораблей быстро обрастали водорослями и ракушками. «Роубак» очень нуждался в очистке днища. Но корабельный плотник, как уже говорилось, дела своего не знал, и на Тиморе не было возможности произвести полный ремонт судна. Все, что можно было сделать, — это накренить корабль так, чтобы очистить его бока от водорослей и ракушек. Но времени для этого не было, поскольку Дампира предупредили, что в

любой день может задуть муссон. Дампир решил отказаться от ремонта корабля. Он ограничился лишь пополнением запасов продовольствия и питьевой воды и продолжал плавание. В Новый, 1700 г. «Роубак» подошел к западному берегу Новой Гвинеи. Предполагаемый Дампиром маршрут дальнейшего плавания должен был проходить в совершенно неизведанных водах, ибо маршруты двух капитанов, плававших здесь до него, — Схаутена и Тасмана проходили значительно севернее.

«Роубак» шел вдоль северного побережья Новой Гвинеи. Дампир наносил на карту встречавшиеся ему острова, давал им свои названия. Один из них он назвал островом короля Вильяма, в честь своего монарха, другой — островом Провидения, потому что дошел до него на таком ветхом судне, как «Роубак». Но все эти земли были открыты до него, о чем Дампир, конечно, не знал. Единственной действительно открытой впервые именно Дампиром землей был остров, названный им Новая Британия.

Дампир не мог определить, является ли открытая им земля островом, пока не сделал наиболее важного открытия своего плавания: он нашел пролив между Новой Британией и Новой Гвинеей, называющийся сейчас проливом Дампира.

Когда Дампир плыл вокруг острова, он сделал одну ошибку: то, что он называл заливом Сент-Джордж, было в действительности входом в пролив, названный в настоящее время Сент-Джордж-Чаннел, разделяющий открытую им землю на два острова: Новую Британию и Новую Голландию, как это установил капитан Филипп Картерет во время своего плавания вокруг света в 1767 г., используя карту этого района, сделанную Дампиром.

Хотя «Своллоу» («Ласточка»), корабль Картерета, был такой же ветхий, как «Роубак», но Картерет лучше использовал течения, да и сезонное направление ветров было иным: Дампир был в этом районе, когда дул западный муссон, а Картерету пришлось бороться с пассатами. Сильное течение, которое занесло корабль в залив Сент-Джордж, дало возможность Картерету узнать, что это пролив, разделяющий два острова. Таким образом, Картерет открыл наиболее удобный морской путь, соединяющий Южную Азию с Австралией, что оказалось очень кстати, когда была создана первая британская колония на пятом материке — Новый Южный Уэльс и началось движение туда торговых судов из Индии.

Дампир, верный себе, во время плавания в любой ситуации старался вести научные наблюдения. Так, идя проливом, получившим в дальнейшем его имя, Дампир наблюдал извержение вулкана. «Всю ночь, — писал он, — вулкан извергал огонь и дым, что сопровождалось страшным шумом, подобным грому, и виднелось пламя, страшнее которого я еще не видел... Потом можно было видеть огромный огненный поток, бегущий к подножью вулкана и даже почти к берегу»⁸.

Затем Дампир обнаружил остров, который назвал островом Рука, в честь адмирала Джорджа Рука, который, кстати сказать, председательствовал в суде, перед которым предстал Дампир по возвращении на родину.

Обстоятельства не позволили Дампиру продолжить плавание по намеченному им курсу. Он поплыл назад, повторяя старый маршрут, а затем повернул на юг. Так Дампир упустил возможность стать первооткрывателем восточного берега Австралии. Но это объяснялось прежде всего плачевным состоянием корабля и опасными настроениями команды. В предисловии к своей книге о плавании к Новой Голландии Дампир писал: «В то время я встретился со многими трудностями: необходимостью ремонта судна, малочисленностью моих людей, их желанием скорее вернуться домой, а также опасностью продолжать плавание при таких обстоятельствах в морях, где мели и берега были совершенно неизвестны и должны были изучаться с большой осторожностью и медленно. Все это заставило меня отказаться тогда от продолжения намеченных мной исследований»⁹.

Сам Дампир в то время был болен, и команда стала небрежно нести службу. Чем больше плотник старался прекратить течь в корпусе корабля, тем больше она становилась. Лишь придя в Батавию, они смогли очистить корпус судна. Но доски корпуса оказались в таком плохом состоянии, что Дампир пустился в обратный путь на родину с тяжелыми предчувствиями относительно плавучести его корабля. Его единственным шансом была быстрота плавания, отсутствие штормов или болезней экипажа. Любая из этих опасностей могла привести к катастрофе.

Кое-как англичане добрались до острова Вознесения в Атлантическом океане, где случилось то, чего со страхом ждал Дампир. В ночь на 21 февраля 1701 г., когда они подходили к острову, корабль дал такую течь, что коман-

да всю ночь выкачивала воду из трюма. На следующее утро корабль встал на якорь в полумиле от прибрежных скал. Дампир приказал канониру очистить пороховой погреб, чтобы помощник плотника (плотник незадолго до этого умер) мог заделать щели в корпусе судна. Когда это было сделано, плотник осмотрел корпус корабля и сказал, что он не сможет устранить течь без того, чтобы не вырубить сгнившие части досок. Дампир ответил, что никогда не видел, чтобы большее отверстие предотвратило бы течь из меньшего, но что он не понимает ничего в искусстве корабельного плотника и пусть тот делает, как считает нужным. Вместе с тем Дампир принял меры предосторожности на случай, если они будут вынуждены покинуть судно. Плотник обещал устранить течь к полудню, но уровень воды в трюме все время увеличивался. Около 11 часов к Дампиру пришел боцман и сказал, что течь увеличилась и заделать щели не представляется возможным, так как доски совершенно сгнили. Пока не стемнело, Дампир старался подвести корабль как можно ближе к берегу.

Англичане сделали плот, чтобы доставить людей и вещи на берег. «Роубак» медленно погрузился в воду. Лишь его мачты и реи виднелись над водой. Последней вещью, снятой с корабля, были паруса, чтобы сделать из них палатки на берегу. «На следующее утро, 24 февраля, — писал Дампир, — я и мои офицеры высадились на берег необитаемого острова Вознесения».

Он представлял собой маленький скалистый островок, находившийся в тысячах миль от ближайшей земли. К счастью для англичан, там были вода и черепахи, что позволяло поддерживать жизнь, пока какой-нибудь проходящий корабль не заберет их, поскольку остров лежал на главном торговом пути, соединявшем Европу с Индией и другими странами Востока.

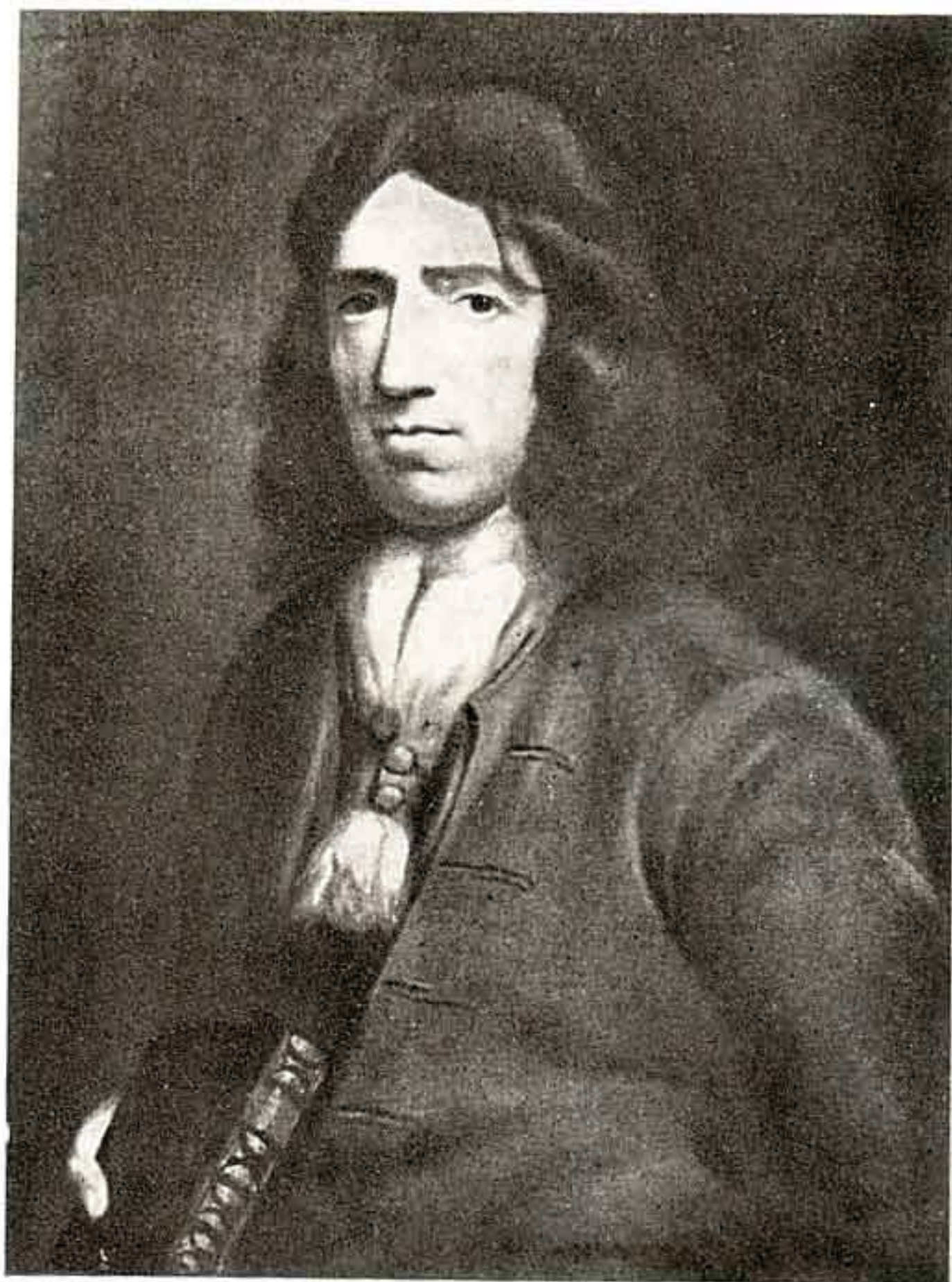
Через неделю после высадки англичане увидели на горизонте два корабля, но те прошли мимо острова на большом расстоянии. Немного позднее прошла флотилия из 11 судов, но опять далеко от острова. Через несколько месяцев англичане увидели ост-индский торговый корабль и три военных судна, которые шли недалеко от острова. С кораблей заметили сигналы, подаваемые «робинзонами». Дампир поднялся на борт одного из военных кораблей, но, узнав, что они идут в Вест-Индию, перешел вместе с несколькими своими офицерами на торговое судно

«Кентербери», которое доставило их в Лондон в августе 1701 г.

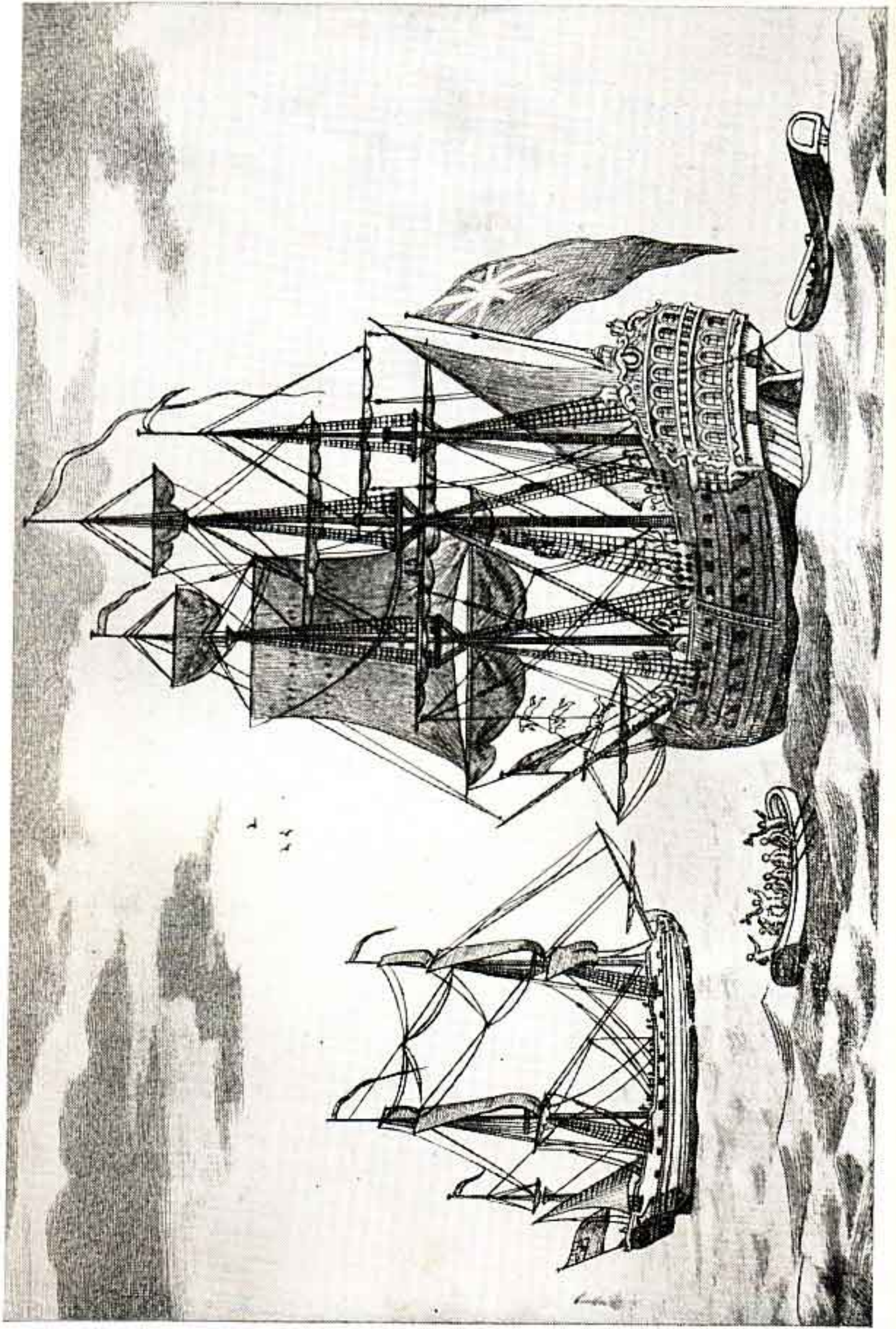
Первой заботой Дампира было объяснить потерю корабля. Его сообщение было принято без всяких претензий. Гораздо серьезнее оказался вызов в военный суд по обвинению, выдвинутому его помощником Джорджем Фишером. Пока Дампир находился в полном опасностей плавании, Фишер в течение двух лет организовывал судебное дело против него. Он представил обвинения в суд, был вызван и выслушан. Теперь оставалось только заслушать свидетелей и вынести приговор.

Суд происходил на борту военного корабля «Ройял Соврин» в Спитхедде 8 июня 1702 г. Председательствовал Джордж Рук, имевший тогда уже звание адмирала флота. С ним были еще три адмирала и 33 капитана королевского военно-морского флота. Все они были настроены против бывшего буканьера Дампира. Тот факт, что бывшие буканьеры переходили от королевской службы к пиратскому промыслу, оправдывал в их глазах подозрения Фишера, а то, что Дампир ударил своего помощника тростью, возмущало их. Это определило характер приговора, в котором говорилось: «После тщательного изучения всех пунктов обвинения, выдвинутых капитаном Дампиром и лейтенантом Фишером друг против друга, суд нашел, что многие из них были, по сути дела, незначительными, а другие — недостаточно доказанными. Таким образом, главным делом, которое рассматривал суд, была жестокость капитана Дампира в отношении лейтенанта Фишера... То, что он избил своего лейтенанта, продержал его под арестом в течение многих месяцев, затем высадил на берег в кандалах и отправил в тюрьму, является бесспорно недопустимым. Объяснения, которые он дал в оправдание своих поступков, ссылки на имевшиеся у него сведения о заговоре, подготавливавшемся упомянутым лейтенантом, и подозрения, которые он имел в отношении лейтенанта, не были им доказаны и остались только предположениями и догадками. В силу этого военный суд выносит свой приговор в пользу лейтенанта. Суд далее выражает мнение, что упомянутый капитан Дампир не тот человек, который может быть использован как командир какого-либо корабля флота ее величества»¹⁰.

Так закончилась служба Дампира в королевском флоте, к тому же он остался без гроша, потому что суд приговорил его еще к уплате большого штрафа.

УИЛЪЯМ ДАМПИР

Тем не менее через год новый лорд Адмиралтейства, муж королевы Анны, принц Георг Датский представил Дампира британской королеве в связи с выходом первой части его книги «Путешествие в Новую Голландию». Вторую часть Дампир не успел закончить, так как отправился в новое плавание.

Глава 4

ВНОВЬ ВОКРУГ СВЕТА

Война за испанское наследство началась весной 1701 г. Приватирство опять расцвело. Англичан интересовало главным образом нападение на испанские корабли в Южных морях. Приватирство осуществлялось в основном двумя категориями людей: во-первых, вполне респектабельными негоциантами Лондона, Бристоля и Саутгемптона, имевшими достаточно средств для снаряжения кораблей на промысел, обещавший хороший барыш, и, во-вторых, теми из моряков (многие из них были в прошлом буканьерами), которые видели возможность заняться грабежом, коль скоро он был теперь узаконен. Одним словом, патриотические соображения едва ли присутствовали в действиях и тех и других. Ими двигало откровенное желание быстро и основательно обогатиться.

Как только стало известно о начале войны, бристольский купец Томас Эсткорут приобрел за 4 тыс. ф. ст. 200-тонное судно «Назарет» для приватирства. Корабль был вооружен 26 пушками, большей частью малого калибра, и имел команду в 120 человек. Эсткорут сменил библейское название корабля на более удобное — «Сент Джордж», который, как известно, являлся небесным покровителем Англии. В доле с ним при покупке судна было еще несколько других бристольских купцов.

Эсткорут очень хотел, чтобы капитаном его судна стал Дампир, рассказы которого о возможности быстро обогатиться разжигали его воображение. Дампир говорил, что знает, как захватить манильский галион, а это было мечтой всех приватиров еще с елизаветинских времен. Захват галиона, груженного сокровищами Востока, сулил колоссальные барыши.

Дампир согласился стать капитаном «Сент Джорджа» (едва ли он мог в своем бедственном положении рассчитывать на что-то лучшее). Представителем владельцев судна в плавании был некий Эдвард Морган, человек с темным прошлым, успевший побывать и буканьером, и католическим священником, и полицейским агентом.

Дампиру перед выходом в плавание был выдан патент, подписанный от имени британской короны первым лордом Адмиралтейства. При выдаче патента владельцы корабля уплачивали еще 2 тыс. ф. ст. в залог «мирного и честного поведения офицеров и матросов». Это выглядело поразительно цинично, поскольку всем было ясно, что корабль отправляется на морской разбой. В патенте говорилось, что Дампир назначается капитаном «Сент Джорджа» «без жалованья», иначе говоря, его доходом должна была быть захваченная им добыча. Добыча делилась так: две трети шли владельцам судна, одна треть — команде. Все это, конечно, было условно. Корабль уходил в далекое долгое плавание с командой, состоявшей, как правило, из отпетых «морских шакалов», не подчинявшихся никакой дисциплине. Оценка захваченного груза производилась по договоренности с командой. Так называемый совет офицеров корабля был чисто номинальным институтом. Вот, например, как описывает один из младших офицеров заседания совета на корабле «Сент Джордж»: «Обычно на заседаниях совета вначале высказывают свое мнение младшие офицеры. Но капитан Дампир, наоборот, всегда высказывался первым, и после этого, если кто-либо из офицеров высказывал мнение, противоречащее его мнению, он вставал в раздражении и говорил: «Если вы знаете лучше меня, возьмите ответственность за корабль». Он всегда был человеком столь самоуверенным, что не желал слушать никаких доводов»¹.

Неприятности, сопровождавшие плавание «Сент Джорджа», начались еще до выхода в море. Эсткорут поссорился с владельцем судна «Фейм», которое должно было сопровождать «Сент Джорджа». Поэтому «Сент Джордж» вышел в море 30 апреля 1703 г. один. Первая остановка была в Кинсиле, в Южной Ирландии, где к нему присоединился другой приватирский корабль — галера «Синк Портс», водоизмещением 90 т, с 16 орудиями и командой из 63 человек. Капитаном был Чарльз Пикеринг. В то время галера представляла собой одно-

палубное судно, единственное, которое могло передвигаться с помощью весел, если не было ветра, хотя обычно шло под парусом. Галеры использовались как суда сопровождения. Они не были приспособлены для перевозки коммерческих грузов, но зато были хорошо вооружены, имели многочисленный экипаж. Поэтому «Синк Порте» была идеальным компаньоном для фрегата «Сент Джордж». После нескольких недель переговоров было подписано соглашение между владельцами судов о совместном плавании и условиях дележа добычи.

На остановке у островов Зеленого Мыса произошла ссора Моргана с помощником капитана Хаксфордом. В результате между ними состоялась дуэль. Португальские власти арестовали Хаксфорда и посадили его в тюрьму. Когда Хаксфорду удалось освободиться, он возвратился на корабль. «Сент Джордж» вышел в море. Но Морган заявил, что не потерпит Хаксфорда на борту корабля и, несмотря на все мольбы Хаксфорда не бросать его «среди язычников», Дампир приказал посадить его в лодку и оставить в открытом море. Гардемарин Уэлб, совершавший плавание на «Сент Джордже», впоследствии писал, что Хаксфорд был подобран португальским судном, но оставался там недолго, а затем «они высадили его на берег и через три месяца несчастный кончил свои дни частично от голода». «Я не удивляюсь чудовищной жестокости капитана,— продолжал Уэлб,— зная о подобном проявлении жестокости, когда он командовал „Роубаком“». Это свидетельствует о том, что на корабле знали о суде над Дампиром, что, естественно, не способствовало укреплению авторитета капитана среди команды. Также совершенно ясно, что Дампир не сделал никаких выводов из судебного процесса и не стеснял себя в своих действиях, проявляя очевидное самоуправство. Почти такой же случай произошел с преемником Хаксфорда на посту помощника капитана — Джеймсом Бернби, когда «Сент Джордж» подошел к берегам Бразилии. После ссоры с Морганом Бернби и еще восемь человек из команды сложили свои вещи и потребовали высадить их на бразильский берег. «Я никогда с ним не спорил,— оправдывался после плавания Дампир,— но, считая, что он был несколько дерзок в споре с Морганом, я приказал удалить его с корабля»². Вскоре после этого умер капитан «Синк Порте», и галерой стал командовать Томас Стрейдлинг, а Александр Селкирк, сын бедного шот-

ландского сапожника, был назначен квартирмейстером.

Из Бразилии оба судна прошли в Тихий океан, миновали мыс Горн и направились к острову Хуан-Фернандес. «Синк Портс» достигла острова 7 февраля 1704 г., на три дня раньше «Сент Джорджа».

Три недели провели команды на острове, отдыхая после долгого перехода через Атлантику, пополняя запасы продовольствия и воды. Дампиру не терпелось приступить к «делу». Он был в районе, хорошо ему известном по прежним буканьерским плаваниям, и был уверен в богатой добыче.

Первым кораблем, на который они напали, было французское судно «Сен Жозеф», встретившееся им у чилийских берегов. О том, что произошло в схватке с французами, рассказали три человека: сам Дампир, Уэлб и еще один офицер со «Сент Джорджа» — Фаннелл, и все трое по-разному. «Мы подошли к кораблю очень близко, борт к борту, но вдруг поднялся небольшой ветер и французский корабль отошел от нас, оставив англичан озадаченными тем, что не удалось его захватить с первого раза,— пишет Фаннелл.— Но мы решили еще раз попытаться захватить его, понимая, что если мы позволим ему уйти, то французы расскажут о нас испанцам... но капитан был против этого, считая, что так будет хуже. Если испанцы узнают, что мы здесь и предупредят свои торговые корабли, чтобы они не выходили из портов, то он знает, куда надо идти и где в любой день года можно без особого риска захватить добычу в 500 тыс. ф. ст. Вскоре после этого к нам подошла сопровождавшая нас галера, и капитаны, быстро договорившись между собой, решили дать французскому судну уйти»³.

Дампир же объясняет, что они могли бы легко захватить «Сен Жозеф», если бы команда показала должную храбрость, но его люди убежали от пушек. Это в свою очередь опровергает Уэлб, в обязанности которого входило следить за дисциплиной на борту. Он отрицает, что кто-либо из команды покинул свой пост, «кроме самого капитана Дампира, который в течение всего времени схватки не воодушевлял своих людей и не давал никаких соответствующих команд, как это обычно требуется от командира в таких случаях, а стоял за баррикадой, сооруженной по его приказанию из кроватей, ковров, подушек, одеял и т. п., чтобы предохранить себя от вражеских пуль...»⁴.

Через несколько недель англичане встретили тот же корабль у Лимы. Описание Фаннеллом этого города объясняет, почему именно в этом месте перуанского побережья любили бывать буканьеры: «Остров Каллао очень высокий и бесплодный, не имеющий ни леса, ни свежей воды, ни какой-нибудь зелени. Он имеет в длину две лиги. На этом острове находится великий город Лима, который является столицей всей империи Перу. Здесь — местопребывание вице-короля и архиепископа. Это огромный город, который населяет 170 тыс. испанцев, не считая великого множества мулатов, метисов и индейцев. Говорят, в нем 25 церквей, хорошо построенных и очень богато украшенных золотом, серебром и драгоценными камнями. Фигуры многих из святых сделаны целиком из золота. Город хорошо укреплен, имея крепость с 70 48-фунтовыми медными пушками, рядом с крепостью находится место якорных стоянок; глубина моря там пять саженьей... Остров соединен с сушей каменным мостом и почти половина города находится там. Это самое торговое место на западном берегу Америки, и гавань никогда не бывает без кораблей»⁵.

Вторичная встреча со «Сен Жозефом» опять была неудачной для англичан. Французское судно сумело оторваться от «Сент Джорджа» и войти в гавань под защиту крепостной артиллерии. Раздосадованная команда открыто обвиняла Дампира в трусости и спрашивала, намерен ли он, наконец, начать сражаться, на что Дампир ответил: «Нет, потому что я знаю, где можно добыть все, не сражаясь».

Двигаясь к северу вдоль Южноамериканского материка, англичане встретили испанский корабль, который, по их соображениям, должен был иметь богатый груз и «приличную сумму денег». Но когда капитан захваченного судна был доставлен на борт «Сент Джорджа» и Дампир спросил его, много ли денег имеется на борту, тот клялся, что сгрузил все ценное на берег, поскольку ему сообщили, что появились англичане. Пусть англичане обыщут корабль и если найдут что-либо ценное, то пусть повесят его на рее. Это заявление вполне удовлетворило Дампира, и он разрешил ему плыть дальше, сказав, что захват корабля «послужил бы помехой в осуществлении его великих замыслов». Но Уэлб и, что еще важнее, владельцы «Сент Джорджа», когда они узнали об этом, были иного мнения. Они подозревали, что ис-

панский капитан откупился, дав деньги Дампиру и Моргану. Уэлб даже писал потом, что он сказал Дампиру о дошедших до него разговорах, что в трюме корабля находятся большие богатства, но Дампир все равно не стал обыскивать судно.

Через несколько дней еще один испанский корабль попал в руки англичан. И опять Дампир приказал отпустить судно, потому что «не хотел обременять свой корабль, так как намеревался предпринять решающее плавание к одному богатому городу, о котором он давно помышлял». Однако Морган сумел все-таки украсть дорогой серебряный обеденный сервиз, завернув его в свою одежду.

Дампир часто говорил о своем «великом замысле»: либо захватить манильский галион либо разграбить богатый город. Когда «Сент Джордж» был на Галапагосских островах, Дампир, наконец, назвал этот город. Это был город Санта-Мария на Панамском перешейке, который удалось захватить отряду Коксона, когда Дампир впервые пересекал перешеек. Но тогда буканьеров постигла неудача: испанцы успели до их прихода спрятать сокровища. Дампир рассказывал экипажу, какое важное значение имеет Санта-Мария как пункт, где перегружались сокровища, доставлявшиеся из Перу. «Город расположен на берегу реки, — говорил Дампир, — и его легко достигнуть, плывя на лодках от Панамского залива».

Рассказы Дампира разжигали воображение его команды. «Сент Джордж» направился к Панамскому перешейку. Там Дампир и Стрейдлинг с отрядом из 102 человек поплыли на лодках к Санта-Марии. Но их все время подстерегали неудачи. Сначала сильный ливень вымочил их порох и одежду. Потом им встретились несколько индейцев в каноэ. Против обыкновения Дампир приказал своим людям стрелять в них. Пули пролетели мимо, не причинив индейцам вреда. Те скрылись, чтобы поднять тревогу. Стрейдлинг был послан вперед, чтобы захватить индейскую деревню, пока жители не сообщат испанцам. Дампир обещал сразу же последовать за ним, но по ошибке свернул с главного русла реки и попал в рукав, из которого не было выхода.

Тем временем Стрейдлинг захватил индейскую деревню, но не нашел там ничего, кроме ямса и кур. Однако он обнаружил пакет с письмами, из которых узнал, что по распоряжению губернатора Панамы в Санта-Марию

было послано 400 солдат в помощь местному гарнизону. Письма были двухдневной давности, так что теперь уже посланный отряд наверняка был в Санта-Марии.

Когда, наконец, оба английских отряда объединились и подошли к городу, то попали в засаду. Им удалось выбраться, но Дампир сказал, что вторую попытку овладеть городом делать не следует, ибо они потеряли свой главный козырь — внезапность нападения, потому приказал отступить к побережью.

Счастье немного улыбнулось англичанам, когда они вернулись на корабли. Большой испанский корабль водоизмещением 500 т с грузом бренди, муки, сахара, льняных и шерстяных тканей стал на якорь недалеко от них, не подозревая, что это английские суда. Англичане взяли его без сопротивления. Они тут же разделили награбленное, причем Морган умудрился незаметно унести еще один сервиз.

На захваченном корабле англичане обнаружили письмо капитана «Сен Жозефа» губернатору Панамы, в котором он жаловался на большой урон, нанесенный ему нападением англичан. Из других писем они узнали, что два больших испанских фрегата были посланы вдогонку за ними.

Первый успех привел не к сплочению обоих судов, а, как тогда часто бывало, к их разобщению. Стрейдлинг заявил, что пойдет к острову Хуан-Фернандес, где он оставил часть запасов, а Дампир, все еще надеявшийся захватить манильский галион, остался в Панамском заливе.

Больше капитаны не встречались, но тем не менее плавание Стрейдлинга имело удивительное последствие для Дампира. Селкирк все еще находился на борту «Синк Порте». Когда корабль подошел к острову Хуан-Фернандес, то Стрейдлинг обнаружил, что оставленные им запасы исчезли (как оказалось, их взяли французы). Он обрушился на своего квартирмейстера Селкирка. Тот обиделся и заявил, что останется на острове. Видимо, он надеялся на то, что Дампир его снимет с острова, хотя и не верил в добрые чувства Дампира. Может быть, он опасался дальше плыть на судне уже сильно подтекавшем. Так или иначе, Селкирк добровольно остался на необитаемом острове.

Что касается Стрейдлинга, то он повел свою галеру к островам Мапелла, где безуспешно пытался найти Дампира. Кончилось дело тем, что «Синк Портс» налетела

на скалы и Стрейдлинг со своей командой добрался до пустынного острова, с которого их сняло испанское судно. Они были доставлены в Лиму, где их заковали в кандалы и посадили в тюрьму как пиратов. Через пять лет Стрейдлинга передали французам, которые доставили его в Бретань и тоже заключили в тюрьму. Там он рассказывал тюремщикам всякие басни о спрятанных пиратами сокровищах на одном ему известном острове в Южных морях. Эти рассказы дошли до французского морского министра, и тот приказал улучшить тюремный режим для Стрейдлинга и попытаться разузнать у него побольше. Однако Стрейдлинг сумел убежать из тюрьмы. Он перелез через стену, окружавшую тюремное здание, связав простыни.

После ухода Стрейдлинга Дампир и его люди находились в Панамском заливе. Они захватывали небольшие суда и совершали успешные рейды на побережье, никогда не нападая, однако, на важные населенные пункты. Англичане также с удовольствием охотились на крокодилов. Аллигаторы в то время для англичан были диковинными животными. «Мы застрелили нескольких, среди них один имел длину в 30 футов и был больше крупного быка,— с подробностями, напоминавшими манеру Дампира, писал об этой охоте Фаннелл.— Он был покрыт чешуей с головы до хвоста. У него была огромная пасть, полная зубов, и длинные когти на ногах. Это животное — амфибия, живущее как на суше, так и в воде. Когда они лежат на берегу, то напоминают большие поваленные деревья... Они быстро бегают по земле и обладают такой силой, что могут схватить лошадь или корову и унести ее в воду, где пожирают добычу... Индейцы не очень их боятся. Если аллигатор гоняется за ними по земле, они бегут, делая круги, и эти огромные создания не в состоянии поворачивать свои громоздкие тела столь же быстро, и поэтому индейцы легко убегают от них. Охотясь на аллигаторов, индейцы идут в воду, вооруженные куском железа наподобие гарпуна, заостренного с обоих концов, поперек которого приделаны две железные пластинки. Они держат эти приспособления в руках, и когда аллигаторы раскрывают пасти, чтобы их схватить, совывают им в пасти куски железа наподобие кляпа. Аллигаторы кладут яйца почти по сотне штук. Их яйца размером с гусиные, но скорлупа почти такая же толстая, как у страусиных»⁶.

Как-то англичане увидели испанский фрегат. Дампир распорядился не преследовать его. Но команда настояла на нападении, не считаясь с волей своего капитана. Он фактически был отстранен от командования кораблем. Его люди вывесили на главной мачте «кровавый флаг» в знак их непреклонной воли к сражению, и корабль быстро пошел на сближение с испанским фрегатом. Команда разделилась на две группы, чтобы повысить скорострельность орудий, и добилась этого. Как сообщает Фаннелл, они отвечали 560 выстрелами на 110 вражеских. Всю вторую половину дня длилось ожесточенное сражение, в котором Дампир по-прежнему не принимал никакого участия. Наступившая темнота прервала бой. Англичане заделывали пробоины от вражеских снарядов, готовясь с рассветом вновь начать сражение. Но, когда взошло солнце, они увидели, что испанский корабль исчез. Дампир восстановил свою власть. Он повел корабль на север, к берегам Мексики, захватив по дороге 10-тонный барк, названный им «Дрэгэн» («Дракон»). Командиром барка он назначил Джона Клиппингтона и дал ему 21 человека.

«Сент Джордж» дал угрожающую течь, и Дампиру пришлось прервать свой путь. Англичане разбили лагерь на берегу и занялись очисткой и ремонтом корпуса своего судна.

Пока шел ремонт «Сент Джорджа», Клиппингтон отправился на пиратский промысел. Ему удалось захватить корабль водоизмещением 40 т. Теперь, став обладателем собственного судна, Клиппингтон решил порвать с Дампиром и плыть самостоятельно. 2 сентября 1704 г. Клиппингтон очень любезно расстался с Дампиром, но скрыл от него, что забрал с собой все военное снаряжение, имевшееся на борту «Сент Джорджа», так же как и половину, по крайней мере, продовольствия. Он захватил и патент, выданный Дампиру Адмиралтейством. Но когда Клиппингтон был уже на спасительном расстоянии от «Сент Джорджа», он смягчился и отправил Дампиру известие, что весь порох и пули, за исключением трех бочонков, он оставит у индейцев, откуда каноэ с «Сент Джорджа» вскоре их доставило обратно.

В дальнейшем Клиппингтон захватил несколько испанских судов у мексиканских берегов. Затем он пересек Тихий океан и пиратствовал в китайских водах, а после этого пришел в Индию. Там команда разбрелась в раз-

ные стороны, а сам Клиппингтон вернулся в Англию на голландском корабле.

Тем временем в Акапулько испанцы уже начали поджидать манильский галион с грузом китайских товаров. Готовился к встрече с галионом и Дампир. Он был весь в нетерпении: приближался час исполнения его «великого замысла, главного результата всего плавания». Все 64 члена его команды были вполне здоровы; разочарования и распри последних месяцев были на время забыты.

6 декабря 1704 г. громадный корабль показался на расстоянии двух лиг. Отверстия для орудий были закрыты, так как на борту судна, видимо, не опасались «Сент Джорджа». Команда испанского корабля полагала, что «Сент Джордж» — одно из судов, обычно встречавших галионы на последнем участке пути. Для англичан успех дела заключался в том, чтобы настигнуть галион, до того как испанская команда добежит до главных пушек корабля.

«Ясно, — писал Фаннелл, — что если мы дадим им возможность подготовить к бою их огромные орудия, то они, конечно, разнесут нас в щепки, и мы потеряем возможность захватить для наших хозяев 8 млн. ф. ст.». Это была та сумма, которую постоянно называл Дампир в разговорах со своей командой.

Но важнейший элемент — внезапность нападения — был потерян. Когда англичане подошли к галиону на расстояние орудийного выстрела, Дампир приказал поднять английский флаг. Команда начала это оспаривать, кто-то выстрелил. Увидев опасность, испанцы бросились к пушкам и начали стрелять 18- и 24-фунтовыми ядрами, наносившими тяжелые повреждения «Сент Джорджу». Англичане отвечали выстрелами из своих легких 5-фунтовых пушек, которые не причиняли никакого вреда такому судну, как галион. Видя, что продолжение боя приведет лишь к гибели корабля, Дампир дал сигнал уходить. Так опять хорошо начатое предприятие окончилось провалом. Дампир с присущей ему опытностью выбрал правильное место и время для нанесения главного удара, но, как и раньше, не смог нанести этот удар, подчинить людей своей воле, действовать смело и решительно. Впоследствии Дампир обвинял команду в провале операции. Но это было не так. Виноват был прежде всего он сам. Видимо, у этого опытного навигатора, вдумчивого наблюдателя, интересного исследователя не было на-

стоящих командирских данных, не доставало и личной храбрости.

После этой неудачи отношения капитана с командой стали совершенно невыносимыми. Люди требовали возвращения домой. Но Дампир резонно сказал, что это практически невозможно, потому что «Сент Джордж» находится в таком плачевном состоянии, что может затонуть в любой день. Поэтому, чтобы вернуться домой, они должны захватить другое судно. Он предложил отложить решение о возвращении на родину на шесть недель.

6 января 1705 г. Дампир приказал всем членам экипажа, которые намереваются продолжать плавание с ним, собраться на палубе. Это выглядело как приглашение к пиратству. Но Уэлб слышал разговор Дампира с Морганом, содержание которого говорило о другом. Морган спросил капитана, по чьему поручению тот намеревается действовать дальше. «По поручению королевы», — ответил Дампир. «Но корабль принадлежит частным лицам», — возразил Морган. «Неважно, — сказал Дампир. — У меня есть патент». Он еще не обнаружил, что Клиппингтон украл этот документ.

27 человек осталось с Дампиром. Остальные, в числе которых были все офицеры и корабельный врач, заявили, что намерены плавать самостоятельно. Это был настоящий заговор, руководителями которого был Морган, Фаннелл и Уэлб. Продовольствие было поделено и четыре из 26 пушек вместе с 25 мушкетами, пистолями и бочонком пороха перегружены на «Дрэген». Всего на «Дрэгене» ушло 35 человек.

«Дрэген» покинул мексиканские берега и пересек Тихий океан, подойдя к Молуккским островам. Когда дезертиры добрались до Амбоины, то были посажены голландцами в тюрьму за пиратство. Они ожидали, что их повесят, но, по иронии судьбы, голландцы неожиданно их освободили, узнав, что они служили у Дампира, который за свое навигационное искусство был весьма почитаем в Голландии. Большинство из них было направлено на голландские суда, всегда испытывавшие недостаток в людях при обратном плавании вследствие большой смертности среди матросов. Они вернулись в Европу в августе 1706 г.

Фаннелл по возвращении в Англию пообещал опубликовать свой отчет о плавании. Книга вышла за год до возвращения Дампира под названием «Путешествие вокруг света: отчет об экспедиции капитана Дампира в

Южные моря на корабле „Сент Джордж“ в 1703 и 1704 гг., написанный Уильямом Фаннеллом, помощником капитана Дампира». Предисловие было написано очень дипломатично: «Успех нашей экспедиции был не таким большим, как можно было вначале ожидать, учитывая опытность нашего командира и решительность наших людей: споры и вражда сводили на нет самые обещающие надежды... Я не могу по-настоящему судить, но заметил, что во всех местах южноамериканского побережья, где мы побывали, и во время наших плаваний в Южных морях мы находили совершенно точными их описания, сделанные капитаном Дампиром, а его отчеты о ветрах, течениях и т. п.—великолепными»⁷. Тем не менее, как читатель уже имел возможность убедиться, в отчете Фаннелла сохранилась очень сильная критика Дампира.

Оставшись с верной ему частью команды, Дампир благодаря искусству корабельного плотника, с которым в это плавание ему повезло, сумел починить «Сент Джордж».

Теперь, наконец, удача пришла к Дампиру. Англичане без труда захватили город Пуно и безжалостно его разграбили. Затем они захватили испанскую бригантину, перешли на нее и перенесли весь груз с «Сент Джорджа», оставив его в Панамском заливе. Свой новый корабль Дампир назвал «Виндикейшн» («Оправдание»). На нем он пришел в Батавию, где его заключили в тюрьму, так как он не имел патента, украденного Клиппингтоном. Дампиру как-то удалось оправдаться и выйти из тюрьмы. В конце 1707 г. он вернулся на родину, закончив второе кругосветное плавание.

Узнав о книге Фаннелла, Дампир передал в печать свой памфлет под названием «Оправдание Дампиром своего плавания в Южные моря на корабле „Сент Джордж“». На этот раз с небольшими замечаниями на химерическое изложение мистером Фаннеллом путешествия вокруг света, хотя оно заслуживает более подробного разбора».

Памфлет Дампира в свою очередь вызвал ответный удар на этот раз со стороны гардемарина Уэлба. Его книга, изданная в 1707 г., носила название «Ответ на оправдание капитана Дампира». В те далекие времена гардемаринские не были юнцами, только что окончившими морскую школу и с удивлением смотревшими на огромный мир, неожиданно открывшийся им. Это были зрелые опытные моряки, которым поручалась серьезная работа на корабле. Уэлб был достаточно образован и наблюдателен,

обладал цепкой памятью. Его свидетельства показывали Дампира в весьма невыгодном свете.

Но при этом надо помнить, что и Уэлб, и Фаннелл с самого начала плавания крайне недоброжелательно относились к своему капитану и их оценки тех или иных фактов далеко не всегда объективны.

Другой неприятностью, с которой столкнулся Дампир по возвращении на родину, было то, что распространился слух о том, что он якобы встречался в таверне «Южный черт» с Морганом и другими дезертирами с «Сент Джорджа» для дележа захваченной в плавании добычи, укрытой от собственников судна.

Пока «Сент Джордж» находился в Тихом океане, его главный владелец Томас Эсткорут умер, завещав свою долю молодой племяннице Элизабет, вскоре вышедшей замуж за Ричарда Крессвелла. Слухи эти очень обеспокоили последнего, но он не успел возбудить судебное дело против Дампира, поскольку тот опять ушел в плавание. На этот раз организатором плавания был Томас Голдни, другой бристольский купец, входивший в долю с Томасом Эсткорутом.

Ричард Крессвелл заподозрил Голдни в том, что тот, сговорившись с Дампиром, использовал на организацию новой экспедиции деньги, полученные во время плавания «Сент Джорджа». Поэтому, когда Дампир вернулся из нового плавания, Крессвелл возбудил судебное дело, требуя уплаты ему фантастической суммы в 800 тыс. ф.ст. Голдни отрицал, что использовал какие-либо средства, полученные во время плавания «Сент Джорджа», и Крессвелл ничего не получил.

Глава 5

ПОСЛЕДНЕЕ КРУГОСВЕТНОЕ ПЛАВАНИЕ

Войти в долю с Голдни, внесшим около 4 тыс. ф. ст. в новое предприятие, нашлось много желающих из наиболее известных семейств Бристоля. Среди них были и негоцианты, и юристы, и сам олдермен Бристоля Бетчелор. Внес свою долю и доктор медицины Томас Довер. Внесли пай и несколько молодых людей из богатых семей,

записавшихся офицерами в предстоящее плавание, хотя до этого на морской службе они никогда не были. Дело в том, что английское правительство, поощряя приватирство, приняло как раз в то время, когда подготовлялось плавание, специальный акт, который гарантировал большую долю в захваченной добыче офицерам военно-морского флота, делая, таким образом, морскую службу более привлекательной для представителей высших классов. В этом же акте королева отказывалась от своей доли в награбленном (до этого английская корона получала преимущественную часть пиратской добычи). Этим правительство хотело поощрить участие богатых людей в финансировании пиратских экспедиций. Сама же королева Анна практически ничего от этого не теряла, поскольку ее супруг, принц Георг Датский, был первым лордом Адмиралтейства и как таковой получал львиную долю добычи. Узаконенное пиратство было делом доходным. В последовавшие за принятием акта годы в Англии было составлено много богатых состояний, особенно капитанами военно-морского флота, занятыми морским грабежом, который тогда не без эlegantности называли «сладким промыслом приватирства».

Документ о создании предприятия и порядке дележа возможных прибылей от предстоящего плавания был подписан 14 июля 1708 г. На собранные деньги были куплены два судна: «Дюк» и «Датчис» («Герцог» и «Герцогиня») — общей стоимостью в 2,2 тыс. ф.ст. «Дюк» (водоизмещением 320 т) был вооружен 30 орудиями, «Датчис» (260 т) — 26. Калибр всех пушек был небольшой. В сравнении с манильским галионом оба судна казались маленькими, но это были крепкие, быстроходные, маневренные корабли. Все расходы по снаряжению экспедиции составили 13 тыс. ф. ст.

Дампир, которому было 56 лет (возраст, считавшийся значительным в то время), был назначен штурманом экспедиции.

Капитаном «Дюка» был 29-летний потомственный моряк из Бристоля Вудс Роджерс, а капитаном «Датчис» — Стефан Кортни. Оба они раньше занимались приватирством. Помощником Роджерса стал Томас Довер, упоминавшийся выше доктор медицины, а помощником Кортни — Эдвард Кук. На обоих кораблях находилось значительное число младших офицеров, что вызывалось не обстоятельствами самой морской службы, тем более

что большинство из них никогда до этого в море не выходили, а соображениями другого рода. Они, во-первых, защищали интересы судовладельцев во время плавания, принимая участие в заседаниях офицерского совета и являясь членами дисциплинарного суда, разбирающего служебные нарушения, взаимные обиды и т. д. И, во-вторых, что, пожалуй, самое главное, они должны были быть опорой капитана в случае мятежа на судне, что в то время было частым явлением в дальних плаваниях.

Капитан Роджерс в отличие от Дампира стал устанавливать жесткую дисциплину еще до выхода судов в море. Команды быстро сообразили, что предстоящее плавание не будет таким, к каким они привыкли, плавая на приватирских судах. Поэтому, когда корабли 15 июля 1708 г. вышли из Бристоля, то через три дня в Корке больше 40 человек сбежало. Но Роджерса это не беспокоило. С помощью знакомого он нашел достаточно людей, чтобы восполнить потерю. В сентябре 1708 г., закончив все приготовления, корабли вышли в открытое море. «Дюк» имел команду из 183 человека, а «Датчис» — из 151.

Как показало начало плавания, возмущение в команде строгой дисциплиной, установленной Роджерсом, не прекратилось. Группа недовольных пыталась организовать мятеж при подходе кораблей к Канарским островам, как раз тогда, когда Роджерс поздравлял себя с тем, что «теперь все начинает образовываться, хотя были некоторые осложнения, как это обычно бывает у приватиров в начале плавания».

Роджерс на некоторое время отлучился с «Дюка», чтобы обыскать на предмет контрабанды остановленный ими шведский корабль. В это время мятежники, собравшись на палубе во главе с боцманом, попытались захватить судно. Но офицеры сумели их обезоружить, арестовали десятерых и жестоко выпороли зачинщиков. Команда на «Датчис», которая также была готова восстать, не сделала этого, когда увидела, что произошло на «Дюке». Через неделю мятежники, сидевшие под арестом в кандалах, были освобождены и приставлены к работе. «И все опять стало спокойно», — замечает в своем журнале Роджерс.

Хотя на кораблях восстановилось спокойствие, офицерский совет решил материально, так сказать, заинтересовать матросов, чтобы предотвратить вспышки возмущения в дальнейшем. Была установлена следующая доля в захваченной добыче: для матроса 10 ф. ст., для помощ-

ника капитана, канонира, боцмана и плотника — по 40 ф. ст., для штурмана — 80 ф. ст., для капитана — 100 ф. ст. и «тому, кто первым увидит судно с ценным грузом», — 30 ф. ст.

Корабли благополучно пересекли Атлантический океан и сделали остановку у берегов Южной Америки, в Рио-Гранди, на полпути из Рио-де-Жанейро в Монтевидео. Англичане были приветливо встречены португальским губернатором, который пригласил их принять участие в церемонии по случаю дня одного из бесчисленных католических святых. Это было связано с некоторыми неудобствами для британцев, большая часть которых были протестантами. Но тем не менее все они приняли участие в церемонии. Идя во главе процессии, уже сильно подвыпив, они исполняли протестантские гимны, но португальцы этого не заметили. Когда наиболее знатные из португальцев были приглашены на обед на английские корабли, то они предложили выпить за здоровье римского папы. «Но мы, — записал Роджерс, — чокаясь с ними, провозглашали здоровье архиепископа Кентерберийского и Уильяма Пенна, квакера».

Продолжая плавание к югу, англичане посетили Фолклендские острова. Новый, 1709 г. англичане праздновали у мыса Горн, плавание мимо которого Дампир всегда предпочитал проходу через узкий и сложный для навигации Магелланов пролив. «По случаю праздника, — пишет Роджерс, — провозглашали новогодние приветствия, сопровождавшиеся музыкой; я выставил на палубе большую бочку с горячим пуншем, из которой каждый человек на борту мог выпить около пинты, и мы пили за здоровье наших хозяев и друзей в Великобритании, за Новый год, за удачное плавание и возвращение на родину. Мы прошли мимо второго нашего судна, прокричав им троекратное „Ура!“, что им очень понравилось»¹.

Но вскоре англичане испытали капризы погоды, типичные для этого района. Начался сильнейший шторм. Казалось, что огромные волны захлестнут маленькие суда. Корабли отнесло к югу примерно до 63° ю.ш. Когда шторм кончился, англичане пошла на север к острову Хуан-Фернандес. Хотя Дампир был хорошо знаком с расположением острова, но всякий раз с трудом отыскивал его из-за того, что не была точно обозначена широта, на которой он находился. Наконец, 1 февраля корабли вошли в залив Шарка, к своему великому удивлению, анг-

личане увидели дым на берегу. Довер и лейтенант Фрей были посланы на пиннасе* проверить, не испанцы ли обосновались на острове. Они вернулись с человеком в козьей шкуре, более дикого вида, чем аборигены тех мест. Но Дампир сразу же узнал в этом человеке Александра Селкирка, которого почти четыре года назад высадил на острове капитан «Синк Порте» Стрейдлинг. Дампир сказал Роджерсу, «что он был лучшим моряком на борту этого судна», и после такой рекомендации Селкирк был принят офицером в экипаж «Дюка». В ходе дальнейшего плавания Селкирк вполне оправдал лестную характеристику, данную ему Дампиром.

Когда Селкирк появился на борту «Дюка», то оказалось, что он почти забыл родной язык и едва мог объясняться с соотечественниками, почти не понимавшими его речь. Постепенно Селкирк рассказал о своей одинокой жизни на острове. Особенно тяжело ему пришлось в первые месяцы. Он построил две хижины, в одной из которых жил, а другую использовал как кухню. Питался Селкирк козьим мясом, раками, фруктами. Вскоре одежда и обувь его пришли в полную негодность из-за постоянных хождений по лесу и ползания по горам в поисках пропитания. Единственным развлечением было чтение Библии и пение псалмов, так что, по словам Селкирка, «он стал лучшим христианином, чем был им раньше и, чего он боится, станет им в будущем».

Во время этого плавания команда болела по тогдашним понятиям очень мало. Тем не менее было 50 случаев заболевания цингой, из которых два со смертельным исходом.

Покинув остров Хуан-Фернандес, корабли подошли к островам Лобос к северу от Лимы с намерением напасть на Гуаякиль, в то время второй по величине город Эквадора. В этом видно влияние Дампира, который, как мы помним, всю жизнь мечтал о двух вещах: разграбить богатый город или захватить манильский галион. С лучшими кораблями и командами, чем было в предшествовавших его плаваниях, Дампир надеялся осуществить, наконец, свою мечту. В пути англичане захватили два небольших испанских судна, которые они переименовали в «Бегин-

* Род галеры, пригодной и для паруса, и для весел, для береговой и речной службы.

нинг» и «Инкрис» («Начало» и «Прибавление»). Селкири был назначен командиром последнего. Затем был захвачен французский корабль (водоизмещением 260 т), названный «Маркиз», командиром которого стал Эдвард Кук.

Чтобы еще больше поощрить команды к грабежу, офицерский совет кораблей принял решение относительно той части добычи, которую было «легко разделить». Совет объявил, что немедленному разделу между членами экипажей, не дожидаясь возвращения на родину, подлежат «все виды постельных принадлежностей, одежды, предметов личного употребления, золотые кольца, пуговицы, пряжки, вино и продовольствие... все виды распятий, сделанные из серебра или золота, золотые и серебряные часы, а также любое другое легко делимое имущество, найденное у пленников; брильянты и драгоценные камни строго исключаются из раздела». В свою очередь совет потребовал предоставления ему права наказания членов экипажей кораблей за пьянство или «такое подлое варварство, как дебош с пленными на берегу». Были определены «ответственные за добычу». Одним из них стал Симон Хейтли, назначенный командиром одного из захваченных испанских судов. В ходе плавания к Гуаякилю он потерял связь с другими кораблями и через некоторое время был захвачен в плен испанцами и посажен в тюрьму в Лиме. Там он встретил капитана Стрейдлинга и его экипаж, которые, как было сказано выше, попали в плен к испанцам почти пять лет назад. Хейтли как-то умудрился передать письмо к бристольским купцам, в котором описывал свои мучения в испанском плену. Хейтли писал, что все пленные подвергались жестоким пыткам с целью заставить их перейти в католичество и некоторые из них, не выдержав, переменили веру. Но все остальные «решили остаться в своей вере, даже если это будет стоить им жизни».

В конце войны за испанское наследство Хейтли был освобожден из тюрьмы и, прибыв в Англию, опять занялся приватирством, жестоко мстя испанцам за свой плен.

В апреле 1709 г. корабли Роджерса подошли к Гуаякилю. Дампир рассказал офицерам, что этот город подобно Бристолу расположен далеко вверх по эстуарию, вход в который защищает остров Пуна. Чтобы достичь неожиданности нападения, Дампиру было поручено командование арьергардом, задачей которого было прервать связь населения острова с побережьем, чтобы предотвратить

возможность передачи сообщения о появлении англичан. А в это время штурмующая группа во главе с Роджерсом, Довером и Кортни должна была на лодках подойти к городу. Дампиру также поручалось держать своих людей наготове и в случае необходимости поддержать нападение на Гуаякиль. Но когда офицеры проводили под покровом ночи разведку на берегу, то услышали, как один испанец говорил другому, что пришла почта из Лимы, где было предупреждение о возможности нападения на город. Более того, в почте находилось письмо для местного губернатора, в котором сообщалось, что известный Дампир опять появился в этих водах как штурман приватирской эскадры. Роджерс решил напугать испанцев, послав поддельное письмо губернатору с сообщением, что эскадра приватиров состоит из семи судов, вооруженных 74 пушками «под командованием англичанина по фамилии Дампир... бог да сохранит вас, ваше превосходительство».

Англичан ждала другая неприятность, когда они перед атакой лежали в лодках в болотистых мангровых зарослях, изнуряемые москитами. Они увидели свет сигнальных факелов там, где они предполагали высадиться на рассвете. Англичане слышали голоса испанских солдат, переговаривающихся в близлежащем лесу, звон колоколов в городе и одиночные выстрелы в той части города, которая подходила к воде. Англичане принялись горячо обсуждать, что делать, не вернуться ли назад. Дампир сказал, что буканьеры в таких случаях обычно отступают. Роджерс предложил компромиссное решение отступить на лодках, используя отлив, с тем чтобы на следующий день попытаться напасть на город.

Утром следующего дня опять состоялся военный совет. Довер предложил послать трубача с белым флагом с предложением продать испанцам за наличные деньги пленных и товары и заявить, что в случае отказа на город будет совершено нападение. Роджерс возразил, что такие переговоры лишь дадут врагу время перегруппировать силы и лучше подготовиться к отражению нападения. Но большинство поддержало предложение Довера, считая, что он сам должен выполнить эту миссию. Довер же попытался свалить все на Роджерса. Спор затягивался, грозя провалить намеченное предприятие. Тогда Роджерс предложил, чтобы вместо трубача были посланы два испанца из команд захваченных кораблей для передачи губернатору

предложения англичан. Это было всеми принято. И вместо неожиданной атаки на город начались 12-дневные переговоры с испанцами на чисто коммерческой основе.

Губернатор начал с подарка, передав англичанам муку, кур и вино. Он согласился прибыть на борт английского корабля на следующий день. Когда же он не сдержал своего слова, англичане сказали ему, что сожгут город, если он не придет, добавив, что размер выкупа должен быть не менее 100 тыс. ф. ст. Губернатор сначала предложил 80 тыс., а потом 60 тыс. ф. ст. Роджерс настаивал, чтобы ему было бы выплачено 80 тыс. ф. ст.

Переговоры затягивались, и Роджерс решил атаковать город. Пушки, установленные на носу лодок, открыли огонь, в то время как Роджерс, Довер и Кортни во главе отряда из 70 человек высаживались на берег. Англичане после ожесточенной перестрелки захватили всю береговую линию и вышли на окраину города. На одной из улиц у церкви они увидели четыре пушки, наведенные на них. Роджерс во главе группы из 10 человек бросился на оружейную прислугу. Испанцы были перебиты, орудия были захвачены. К группе Роджерса вскоре присоединились другие. Они начали захват города, а Дампир с группой матросов был оставлен защищать подходы к лодкам. К утру англичанам удалось овладеть пригородом. Они захватили десятка два пленных. Начался погром. Взламывались двери церквей и оттуда уносились дорогая утварь, грабились магазины и жилые дома. От разрушения города англичане пока воздерживались, полагая, что теперь уж губернатор отдаст им требуемую сумму выкупа. В ходе дальнейших переговоров сумма выкупа была уменьшена до 60 тыс. ф. ст. с условием, что то, что уже было награблено англичанами, останется у них, а именно: 230 мешков муки, 15 бочонков масла, 160 бочонков вина, 4 бочонка пороха, 1 т дегтя, 150 тюков различных товаров и драгоценности на сумму около 1,2 тыс. ф. ст.

Губернатор согласился, и 28 апреля англичане ушли из города, увезя захваченную добычу на лодках. Деньги губернатор обещал прислать позднее в обмен на пленных, захваченных в городе. Через неделю к Пуне подошла лодка, на которой было доставлено 44 тыс. ф. ст. После угрозы англичан увезти с собой в Англию пленных испанцев губернатор прислал еще 7 тыс. ф. ст. В ответ на это Роджерс освободил пленных.

Вскоре после того как английские корабли исчезли

в открытом океане, за ними по распоряжению вице-короля Перу была послана погоня: три испанских и одно французское судно. Но они не сумели найти англичан.

В это время англичане тяжело расплачивались за свой успех в Гуаякиле. В городе, как оказалось, свирепствовала эпидемия какой-то тяжелой болезни. Роджерс называет ее в своих записях злокачественной лихорадкой, а Довер — чумой. Англичане подхватили там инфекцию, и на пути к Галапагосским островам, куда направились их корабли, число больных доходило до 150 человек. Излечившись от болезни пуншем, Роджерс распорядился лечить всех других больных тем же способом.

Дав отдохнуть командам и пополнив запасы продовольствия и питьевой воды на Галапагосских островах, Роджерс приказал кораблям плыть к другой излюбленной базе буканьеров на острове Горгоны в Панамском заливе. Там англичане отпустили на берег 72 оставшихся у них пленных из команд захваченных испанских судов и распродали часть награбленных товаров. Тут же была произведена раздача «легко делимой добычи» в соответствии с правилами, определенными офицерским советом кораблей. Каждый получил свою долю колец, пряжек, пуговиц, цепочек, одежды, шпаг с серебряными рукоятками и т. п. Но раздача добычи не только не способствовала укреплению дружественных отношений между членами экипажей, а, напротив, привела к серьезным раздорам не только между офицерами и матросами, но и между самими офицерами. Так, Довер был очень недоволен размером полученного добра, Роджерсу пришлось даже перевести его на корабль Кортни. 60 человек подписали петицию с требованием увеличить их долю добычи. На кораблях назревал мятеж. Роджерсу пришлось арестовать четырех человек. Одновременно он собрал всех людей на палубе, потребовал от них заверений в отказе от мятежных действий, а добившись этого, выпустил арестованных и объявил о сокращении доли офицеров в награбленном имуществе, а также заявил, что он лично отказывается от той добычи, которая была найдена в каютах захваченных кораблей, что всегда считалось «законной» собственностью капитанов приватирских кораблей. «Мы, — писал Роджерс, — чтобы сохранить надлежащую дисциплину, дали команде впечатляющий пример того, как надо свои интересы подчинять общим, даже неся при этом потери».

Установив порядок на кораблях, можно было приступать к дальнейшим разбойничьим операциям. Дампир убедил Роджерса идти на поиски манильского галиона, поскольку первая из его навязчивых идей — разграбление города — была выполнена. Дампир советовал идти к мысу Корриентес на мексиканском берегу и там поджидать галион, идущий в Акапулько. По его подсчетам, корабль должен был появиться через месяц.

Английские корабли подошли к Калифорнийскому заливу и стали на якорь напротив мыса Лукас. Однако, увидев эти пустынные берега, англичане поняли, что в течение месяца им здесь не прокормиться. Действительно, вскоре люди начали страдать от голода. Ждать появления галиона стало мучительно. Наконец, 21 декабря 1709 г. «Дюк» и «Датчис» вышли в море, а «Маркиз» остался. Англичане страстно желали встретить манильский галион.

«К нашей огромной радости и удивлению, — писал Роджерс, — около 9 часов матрос, находившийся на верхушке мачты, закричал, что видит парус на юго-западе от нас примерно на расстоянии семи лиг. Мы немедленно подняли наш флаг и бросились за ним. На „Датчис“ сделали то же самое. Но ветер стих, и я распорядился послать пиннасу с вооруженными людьми за „Маркизом“»².

На следующий день, приблизившись к неизвестному кораблю, англичане увидели, что это был не галион, а обычное судно — хорошо построенный французский фрегат с 40 пушками. Английским судам долго не удавалось подойти к французскому фрегату поближе, чтобы атаковать его. Наконец, на следующий день «Дюк» подошел к фрегату с одного борта, а «Датчис» — с другого. После ожесточенной схватки фрегат удалось захватить. Его команда насчитывала 193 человека, девять из них были убиты в бою. Англичане потеряли 20. Сам Роджерс был тяжело ранен. Пуля попала ему в челюсть, и ее потом не могли извлечь в течение нескольких месяцев. Рана сильно беспокоила Роджерса на протяжении всего дальнейшего плавания. После этого он перестал говорить, боясь, что кусок раздробленной челюсти попадет в горло. Все свои распоряжения он писал на бумаге.

Но была захвачена богатая добыча. Оказалось, что фрегат сопровождал галион и лишь несколько недель назад расстался с ним. Одно было плохо: поскольку фре-

гат уже заканчивал плавание, продовольствия на нем почти не оставалось, англичане не могли в этом смысле ничем поживиться.

«Дюк», «Датчис» и присоединившийся к ним «Маркиз» продолжали крейсировать в районе Акапулько, ожидая испанский галион. Маленький «Маркиз» 26 декабря первым увидел огромный корабль водоизмещением около 900 т. «Маркиз» дал сигнал двум другим судам и, не дожидаясь, пока они подойдут, храбро напал на галион. С «Маркиза» было сделано 350 выстрелов, израсходовано 9 бочонков пороха, но галиону не был нанесен сколько-нибудь серьезный ущерб. Сам же «Маркиз» пострадал весьма основательно.

Когда на следующее утро подошли «Дюк» и «Датчис», испанцы опять оказали англичанам ожесточенное сопротивление. Команда 60-пушечного галиона, насчитывавшая 450 человек, на одну треть состояла из европейцев, причем многие из них были в прошлом пиратами. В течение всего сражения, которое продолжалось 7 часов, англичанам никак не удавалось подойти к борту галиона, чтобы взять его на абордаж. Ядра небольших пушек английских кораблей не причиняли вреда этому морскому великану. Роджерс был опять ранен: осколок раздробил ему лодыжку. Потеряв около 20 человек убитыми, Роджерс и Кортни решили прервать сражение. Они не могли больше рисковать своими людьми и кораблями, находясь в местах, где им невозможно было ни восстановить людские потери, ни починить суда. Поэтому они позволили галиону продолжить свой путь, а сами занялись более приятным делом — подробным осмотром груза, захваченного на французском фрегате, который они сразу же переименовали в «Бетчелор» в честь бристольского олдермена. В трюме корабля оказались и китайские шелка, и камчатное полотно, и тафта, ткани почти неизвестные в Англии в то время, китайский фарфор, большое количество мускуса, корицы, гвоздики, раскрашенных китайских вееров. Да и сам этот корабль, прочный и надежный, был счастливым приобретением для англичан накануне их обратного плавания. Именно на нем и на «Маркизе» англичане предполагали вернуться на родину. Команду фрегата они отпустили на берег с условием, что французы дадут им выкуп за каждого.

Встал вопрос, кого назначить капитаном захваченного французского фрегата. Довер начал добиваться этого

места, что привело Роджерса в великое негодование. Его возмущала сама возможность видеть этого совершенно некомпетентного в морском деле человека в роли командира прекрасного судна. Тяжело раненный Роджерс лежал в своей каюте на «Дюке» и не мог присутствовать на офицерском совете, обсуждавшем вопрос о капитане «Бетчелора». Между тем совет большинством голосов высказался в пользу Довера. Когда Роджерс узнал об этом, то написал письменный протест от имени офицеров «Дюка», которым, собственно говоря, принадлежала честь захвата французского фрегата. В этом документе говорилось, в частности, следующее: «Поэтому мы, будучи заинтересованными в сохранении мира и спокойствия на борту и в целях предотвращения самовольного отстранения упомянутого капитана Довера командой указанного корабля, хотя он совершенно не способен выполнять свои обязанности, заявляем официальный протест против вышеупомянутого командира... и тех, кто выразил желание передать корабль этому некомпетентному командиру, ибо рассматриваем себя ответственными за весь тот ущерб, который может произойти. Это наш официальный протест. В подтверждение чего мы его собственноручно подписали на борту корабля „Дюк“, стоящего на якоре у Калифорнии, 9 января 1710 г.»³.

Протест не повлиял на решение офицерского совета. Довер стал капитаном «Бетчелора».

12 января 1710 г. все четыре корабля — «Дюк», «Датчис», «Маркиз» и «Бетчелор» — покинули берега Калифорнии и начали плавание через Тихий океан, наметив стоянку на острове Гуам. Дампир был единственным из команды, кто имел опыт такого плавания. Поэтому его советы оказались весьма ценными. С его помощью рассчитали количество продовольствия и питьевой воды, необходимых для этого перехода. По его расчетам, корабли должны были достичь Гуама за 60—70 дней. В действительности англичане пришли к острову за 69 дней, преодолевая за сутки минимально 41, максимально 168 миль. Плавание проходило спокойно, без каких-либо инцидентов на кораблях. Роджерс умел держать людей в крепкой узде, но в то же время понимал, что надо давать им некоторую разрядку в трудном монотонном плавании. Воспользовавшись днем св. Валентины, он распорядился раздать вино, чтобы люди пили, провозглашая по старым морским традициям тосты за здоровье возлюбленных и

жен. «Я составил список прекрасных дам Бристоля, — писал Роджерс, — которые в той или иной степени имели отношение к членам экипажей наших кораблей, и послал его моим офицерам в каюты, где каждый, читая его, пыл за здоровье дам и их благополучие. Таким образом, я обращал их мысли к дому».

11 марта 1710 г. англичане высадились на Гуаме.

Как и при первом посещении Дампиром острова, испанские власти встретили англичан любезно. Это объяснялось, во-первых, тем, что Гуам, расположенный на главном морском пути через Тихий океан, традиционно служил своеобразной гостиницей для экипажей кораблей всех стран, а во-вторых, потому что испанский гарнизон не был там достаточно сильным, чтобы не бояться ярости изголодавшихся и утомленных матросов в случае отказа дать пищу и кров. Роджерс все еще был болен и не сошел на берег, но его офицеры получили у испанцев необходимое им продовольствие для дальнейшего плавания.

После Гуама англичане прошли Филиппины, остров Целебес и подошли к Батавии. Голландцы приняли их весьма радушно, поскольку Англия была союзницей Нидерландов. Англичане пробыли в Батавии три месяца, ибо их корабли требовали серьезного ремонта. «Маркиз» был продан. Там же произвели они предварительный раздел награбленного. На долю Дампира пришлось 400 ф. ст., в то время как Довер получил 4 тыс. ф. ст.

От острова Ява корабли пошли к мысу Доброй Надежды, где простояли довольно долго, дожидаясь подхода конвоирующих судов, английских или голландских. В военное время было опасно плыть без сопровождения. Далее путь Роджерса и его спутников шел мимо островов Святой Елены и Вознесения к берегам Англии. 14 октября 1711 г., через три года и два месяца после начала плавания, корабли вошли в Темзу. Дампиру было уже около 60 лет.

Современники считали, что совершившееся плавание было весьма удачным. В Англии распространились слухи, что Роджерсу удалось захватить галион с огромными богатствами. Поэтому, как только корабли появились в европейских водах, внимание правительственных и деловых кругов в Англии было обращено на них. Когда 24 июля 1711 г. корабли прибыли в Амстердам, там уже находились представитель государственного казначейства, представители Ост-Индской компании и бристольских собствен-

ников судов. Дело в том, что Ост-Индская компания собиралась наложить арест на суда, как только они войдут в британские воды, на том основании, что лишь она имеет право на перевозку грузов из районов Индийского океана. Представителей бристольских владельцев кораблей как раз и привела в Амстердам боязнь того, что Ост-Индская компания под предлогом своих монопольных прав на перевозку грузов из Индийского океана постарается захватить если не весь груз, то, во всяком случае, наиболее ценную его часть. Представитель же правительства прибыл в Голландию, чтобы обеспечить безопасность доставки в Лондон груза, о ценности которого распространялись в Англии фантастические слухи. Представители Ост-Индской компании сумели создать такую тягостную волокиту с разбором взаимных претензий, что корабли Роджерса простояли в Амстердаме около трех месяцев. Переход через Ла-Манш был в ту пору очень опасным вследствие активных действий французских приватиоров из Дюнкерка. Поэтому по распоряжению правительства три корабля британского военно-морского флота были посланы в Амстердам, чтобы сопровождать суда Роджерса к английским берегам. Никогда еще английские приватиры не удостоивались такой чести.

Когда же наконец корабли добрались до Англии, началась длительная тяжба из-за награбленных богатств. В результате бристольским владельцам судов удалось добиться получения груза, уплатив, правда, определенные суммы денег и правительству, и Ост-Индской компании. В ходе споров было установлено, что никаких необыкновенных богатств захвачено не было. Вместо ожидаемого миллиона фунтов стерлингов после продажи груза было получено 147 975 ф. ст. 12 шилл. и 4 пенса. На долю Дампира пришлось всего 1,5 тыс. ф. ст.

Через год после возвращения Роджерса в Англию вышли в свет — одна за другой — две книги об этом плаваньи. Первой вышла книга, написанная Куком, а через несколько месяцев после нее — книга Роджерса «Путешествие вокруг света», имевшая огромный успех. Дампир считал нецелесообразным писать свою книгу о плаваньи при наличии на книжном рынке двух других. Он поселился на Колмен-стрит в Лондоне. Его приятельские отношения с Роджерсом продолжались. Они часто встречались. Дампир ввел его в круг своих знакомых, в частности познакомил с Г. Слоаном.

У Роджерса, еще молодого человека, впереди был долгий жизненный путь, оказавшийся если не счастливым, то, во всяком случае, примечательным. Когда кончилась война за испанское наследство, Роджерс предложил правительству свои услуги по борьбе с пиратством в водах Мадагаскара. Он даже разработал проект создания британской колонии в Южной Африке, который, правда, никогда не был осуществлен. Вместо этого правительство назначило Роджерса губернатором Багамских островов, приказав ему уничтожить пиратские гнезда на острове Провидения. Роджерс выполнил эту задачу с присущей ему твердостью и целеустремленностью. Часть пиратов он повесил, другие разбежались. Сдавшимся пиратам было предложено начать «честную» жизнь. Но даже энергия Роджерса не смогла превратить морских разбойников в добропорядочных колонистов. Роджерс вернулся в Англию полный разочарования и совершенно без средств, так что одно время сидел даже в долговой тюрьме. Там его, между прочим, посетил Даниэль Дефо и долго расспрашивал о знаменитых пиратах. Возможно, что именно Дефо является действительным автором нашумевшей книги «Общая история разбоя и убийств, совершенных наиболее известными пиратами», автором которой был указан капитан Джонсон, о котором никто никогда ничего не слышал. Позднее Роджерс был вновь послан губернатором на Багамские острова и умер там в 1732 г.

Наибольшую известность из всех спутников Дампира в последнем плавании приобрел Александр Селкирк, особенно тем, что стал прототипом одного из наиболее известных в мировой литературе героев. Его судьба после завершения кругосветного плавания была обычной для моряков. Он продолжал плавать и умер у берегов Африки в 1721 г., будучи помощником капитана военного корабля.

В Бристоле по возвращении из плавания на корабле Роджерса Селкирк встретил журналиста Ричарда Стила и рассказал ему о своей четырехлетней жизни на необитаемом острове. Стил посвятил несколько номеров своего журнала «Инглишмен» изложению услышанной истории. Но это была просто запись рассказа Селкирка. А вот в 1719 г. появилась книга под названием «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, прожившего двадцать восемь лет на необитаемом острове близ устья реки Ориноко, куда был выброшен кораблекрушением, во время которого весь экипаж корабля, кро-

ме него, погиб, с изложением его неожиданного освобождения пиратами, написанные им самим». Действительный автор книги (это типично для Дефо) указан не был. Это была знаменитая книга Д. Дефо, вошедшая в золотой фонд всемирной литературы. В основе ее лежит реальная история жизни Александра Селкирка на острове Хуан-Фернандес.

Сам Дампир прожил еще три года после возвращения из кругосветного плавания. Он вел одинокую жизнь. Ухаживала за ним его кузина Грейс Мерсер. Ей и своему брату Джорджу Дампир завещал все свое имущество — небольшой земельный участок. Но впоследствии оказалось, что наследникам нечего было получать, поскольку за Дампиром после его смерти остались долги — 2 тыс. ф. ст.

Умер Дампир в марте 1715 г. Где он похоронен — неизвестно.

Так незаметно ушел из жизни один из тех людей, деятельность которых столь много способствовала созданию Британской империи, распространившейся так широко на планете за последние два столетия, что во владениях ее «никогда не заходило солнце», и сокрушенной совсем недавно, на наших глазах.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1

- ¹ *Shipman I. C.* William Dampier seaman-scientist. Kansas. 1962, p. 5.
- ² *Lloyd Ch.* William Dampier, L., 1966, p. 16.
- ³ *Ibid.*, p. 17—18.
- ⁴ *Ibid.*, p. 20.
- ⁵ *Ibid.*, p. 28.
- ⁶ *Ibid.*, p. 35.
- ⁷ *Ibid.*, p. 36—37.
- ⁸ *Ibid.*, p. 39.
- ⁹ *Bonner W. N.* Captain William Dampier, buccaneer-author. L., 1934, p. 14—15.
- ¹⁰ *Lloyd Ch.* Op. cit., p. 40—41

Глава 2

- ¹ *Lloyd Ch.* Op. cit., p. 42.
- ² *Ibid.*, p. 44.
- ³ *Ibid.*, p. 47—48.
- ⁴ *Ibid.*, p. 49.
- ⁵ *Bonner W. N.* Op. cit., p. 11—13.
- ⁶ *Lloyd Ch.* Op. cit., p. 50.
- ⁷ *Пигафетта А.* Путешествие Магеллана. М., 1950, с. 62—63.
- ⁸ Там же, с. 66.
- ⁹ *Carano P., Sanchez P.* A Complete History of Guam. Tokyo, 1969, p. 46.
- ¹⁰ *Cox L. M.* The Island of Guam. Wash., 1926, p. 29.
- ¹¹ *Carano P., Sanchez P.* Op. cit., p. 79—80.

- ¹² *Lloyd Ch.* Op. cit., p. 54—55.
- ¹³ *Ibid.*, p. 56.
- ¹⁴ *Ibid.*, p. 56—57.
- ¹⁵ *Ibid.*, p. 70.
- ¹⁶ *Ibid.*, p. 58.
- ¹⁷ *Bonner W. N.* Op. cit., p. 16—18.
- ¹⁸ *Lloyd Ch.* Op. cit., p. 63—64.

Глава 3

- ¹ *Lloyd Ch.* Op. cit., p. 66.
- ² *Ibid.*, p. 69.
- ³ *Свифт Дж.* Путешествия Гулливера. М., 1946, с. 456.
- ⁴ Там же, с. 622—623.
- ⁵ *Lloyd Ch.* Op. cit., p. 82—83.
- ⁶ *Ibid.*, p. 85.
- ⁷ *Ibid.*
- ⁸ *Ibid.*, p. 91.
- ⁹ *Ibid.*
- ¹⁰ *Ibid.*, p. 94—95.

Глава 4

- ¹ *Lloyd Ch.* Op. cit., p. 99.
- ² *Ibid.*, p. 103.
- ³ *Ibid.*, p. 107.
- ⁴ *Ibid.*
- ⁵ *Ibid.*, p. 108.
- ⁶ *Ibid.*, p. 113.
- ⁷ *Ibid.*, p. 101.

Глава 5

- ¹ *Lloyd Ch.* Op. cit., p. 134.
- ² *Ibid.*, p. 145—146.
- ³ *Ibid.*, p. 149.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. С буканьерами в Панаму	8
Глава 2. Путешествие вокруг света	19
Глава 3. В Новую Голландию	43
Глава 4. Вновь вокруг света	65
Глава 5. Последнее кругосветное плавание	77
Примечания	93

Ким Владимирович Малаховский
ТРИЖДЫ ВОКРУГ СВЕТА

Утверждено к печати
редколлегией серии научно-популярных изданий
Академии наук СССР

Редактор издательства **О. Б. Константинова**
Художник **М. М. Бабенков**
Художественный редактор **Н. А. Фильчагина**
Технический редактор **Н. А. Плохова**
Корректор **Н. М. Вселюбская**

ИБ № 25436

Сдано в набор 27.04.82.
Подписано к печати 9.07.82.
Т-10544. Формат 84×108^{1/2}
Бумага книжно-журнальная
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 5,14. Уч.-изд. л. 5,4. Усл. кр.-отт. 5,4
Тираж 200 000 экз. 2-ой завод (100 001—200 000) Тип. зак. 2102
Цена 35 коп.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

35 коп.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
ВЫШЛА
ИЗ ПЕЧАТИ
КНИГА:**

ПОЛЯКОВА Е. Ю.
Ольстер: истоки трагедии.

10 л. 60 к.

В книге рассказывается об исторических корнях ольстерской трагедии начиная с XVII в., со времен Английской буржуазной революции. «Ольстерский вопрос» рассматривается в неразрывной связи с кризисом Британской империи. Автор показывает, что под религиозной оболочкой движения скрываются серьезные социально-экономические и общественно-политические причины.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: 117192 МОСКВА В-192, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга-почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197110 ЛЕНИНГРАД П-110, Петрозаводская ул. 7, магазин «Книга-почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга-почтой».

480091 **Алма-Ата**, ул. Фурманова, 91/97 («Книга-почтой»); 370005 **Баку**, ул. Джа-

паридзе, 13; 320005 **Днепропетровск**, проспект Гагарина, 24 («Книга-почтой»); 734001 **Душанбе**, проспект Ленина, 95 («Книга-почтой»); 335009 **Ереван**, ул. Туманяна, 31; 664033 **Иркутск**, ул. Лермонтова, 289; 252030 **Киев**, ул. Ленина, 42; 252030 **Киев**, ул. Пирогова, 2; 252142 **Киев**, проспект Вернадского, 79; 252030 **Киев**, ул. Пирогова, 4 («Книга-почтой»); 277001 **Кишинев**, ул. Пирогова, 28 («Книга-почтой»); 343900 **Краматорск** Донецкой обл., ул. Марата, 1; 660049 **Красноярск**, проспект Мира, 84; 443002 **Куйбышев**, проспект Ленина, 2 («Книга-почтой»); 192104 **Ленинград**, Д-120, Литейный проспект, 57; 199164 **Ленинград**, Таможенный пер., 2; 196034 **Ленинград**, В/О, 9 линия, 16; 220012 **Минск**, Ленинский проспект, 72 («Книга-почтой»); 103009 **Москва**, ул. Горького, 8; 117312 **Москва**, ул. Вавилова, 55/7; 630076 **Новосибирск**, Красный проспект, 51; 630090 **Новосибирск**, Академгородок, Морской проспект, 22 («Книга-почтой»); 142292 **Пушино** Московской обл., МР «В», 1; 620151 **Свердловск**, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга-почтой»); 700029 **Ташкент**, ул. Шота Руставели, 43; 700187 **Ташкент**, ул. Дружбы народов, 6 («Книга-почтой»); 634050 **Томск**, наб. реки Ушайки, 18; 450059 **Уфа**, ул. Р. Зорге, 10 («Книга-почтой»); 450025 **Уфа**, ул. Коммунистическая, 49; 720001 **Фрунзе**, бульвар Дзержинского, 42 («Книга-почтой»); 310078 **Харьков**, ул. Чернышевского, 87 («Книга-почтой»).